

ЕЛЕНА ЧАРА ЯНОВА
ЗАКОН МЕРФИ

ТОМ 2

Закономерности бытия

Елена Янова

Закон Мерфи. Том 2

«Автор»

2023

Янова Е. Ч.

Закон Мерфи. Том 2 / Е. Ч. Янова — «Автор»,
2023 — (Закономерности бытия)

Иногда утро выдается категорически странным: ожидаешь проснуться дома и весь день пить минералку, а приходишь в себя на борту шаттла для межгалактических перелетов, в плену и в окружении лиц откровенно криминального вида. Главное, что жив — а там по ходу пьесы разберемся! Иногда утро выдается категорически странным: приходишь на работу, ожидаешь, что будешь спокойно работать, а тут новая опасность грозит колонии, да еще и любимое начальство на стажировку отправили. Или это не стажировка? Спасем колонию — и разберемся.

© Янова Е. Ч., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 20. Красный был очень воспитанный...	5
Глава 21. Экстренное лечение алкогольной постинтоксикации	12
Глава 22. Многослойная дуальность	20
Глава 23. Депривация сна	26
Глава 24. Пространственная дезориентация	32
Глава 25. Это все грибы	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Елена Янова

Закон Мерфи. Том 2

Глава 20. Красный был очень воспитанный...

Стоит не вовремя оглянуться, как кто-то тут же наступает тебе на хвост. Подумаешь, ты спокойно делал свою работу, радовался тому, что ты – оплот спокойствия и абсолюта незыблемости для колонистов во враждебном для человека Шестом мире, без лишних слов спасатель и вообще герой. Ан нет. Кому-то ты все равно встанешь поперек глотки.

Земле приспичило проверить, как работает Корпус первопроходцев. Еще бы. Дикая новый мир за четыре с лишним года по местному времени (и пять с лишним лет земных) отнял девять жизней у колонистов. Непорядок. А ревизионных проверок было сколько? А ревизоров? То-то и оно.

Так что нате, что называется, получите, распишитесь, вот вам ревизор дотошный, одна штука. Впору поморщиться. Зачем, спрашивается, если и без ревизий вполне успешно функционировало?

Где-то через половину Млечного Пути от родины человечества, в первой трети спирального рукава Лебеда, возле голубого субкарлика спектрального класса В, на границе узенькой зеленой зоны, хотя жизнь возле старых, небольших, но очень ярких звезд считалась принципиально невозможной, ею, тем не менее, кипела и клокотала небольшая экзопланета. А на ней жила, росла и ширилась маленькая колония.

Попытка людей освоить новое место для жизни под новым солнцем, полное ядовитой, быстрой и острозубой насекомоподобной кремнийорганической живности, чуть было не полетела в тартарары. Если б не усилия кучки энтузиастов – оперативников, аналитиков и ученых Корпуса первопроходцев. Их стараниями – а также материально-техническим обеспечением и финансированием от Межмирового правительства, конечно – под нанопротекторным куполом (уникальной разработкой штатного гения Корпуса) уютно и безопасно себя чувствовали одиннадцать тысяч колонистов. Вплоть до недавнего недоброго момента появления на Шестом представителя Земли.

Пока шла ревизионная проверка, полковник Андервуд, завязший в зубах первопроходцев куском сосновой смолы ревизор, старался оперативников Корпуса разъединить и проверить на прочность. Но все было... неплохо. Пока оперативники переваривали решение склочного полковника снять их руководителя Честера Уайза с поста – все по-прежнему шло относительно хорошо. Потому что «совсем плохо» Чез своим подчиненным думать и делать запретил. Лично.

Когда под гнетом ревизора и в отсутствие Честера стало немного плохо и непомогуту, а оперативники, лишенные любимого начальства, не справлялись с поиском пропавшего ребенка, убежавшего под защитный купол – девчущку случайно нашел Чез. И стало обратно немного хорошо. Никто и не удивился, если честно, эдакая выходка вполне укладывалась в фирменное Честерово легкое безумство. Оперативники тогда понадеялись, что ревизор передумает и вернет руководителя на место.

Но нет. Андервуд, ревизор, оказался непробиваемым истуканом с острова Пасхи – и просьбе первопроходцев не внял, устроив Честеру грандиозный скандал в присутствии градоправителя (чью дочь Чез и умудрился спасти), колонистов (чьи жизни и здоровье первопроходцы во главе с неугомонным начальником уберегали от кремнийорганических бед бесчисленное количество раз), колониальной полиции (добрая треть состава которой Честера с момента

основания поселения знала как облупленного) и журналистов, которые про Чеза рассказать могли и без того множество фактов, но только не тех, в которых его обвинил ревизор.

Теперь же градиент от «все замечательно» до «окончательно все плохо» скатился в нескончаемую черную полосу. Обезначаленные оперативники чуть не допустили одну из поистине грандиозных ошибок – протащить под защитный купол непарнопалую амфисбену или, попросту, двуходку. Эту ядовитую, быстро бегающую и вперед головой, и вперед хвостом и, несомненно, проблемную тварь Честер никогда бы в колонию не пропустил. В отличие от подчиненных. К счастью, те вовремя поняли едва не ставший фатальным недосмотр и передумали, но вполне проверенным путем: прикинули, а что бы сказал Чез? О, он бы многое сказал, и точно ничего цензурного.

В итоге, поразмыслив, первопроходцы задались закономерным вопросом: как им без руководителя нормально работать, а? И среди них медленно начинал назревать полноценный бунт.

Вернувшись с бесславного похода за двуходкой, оперативники первым делом пожаловались на невыносимую легкость бытия, где за ними никто не присматривает и ошибок не правит, негласному серому кардиналу отдела.

Выслушав соображения коллег, Берц, временный заместитель отстраненного («за профессиональное несоответствие», вот уж бредятина чистой воды!) Честера, поморщился и призадумался. Ревизор на Шестом был откровенно лишним элементом, но Берцу категорически не хотелось никоим образом политике проверяющего перечить. Потому что если Берц не ошибается, вспоминая бытность свою в составе астродесанта, и окажется прав, то вся эта свистопляска с ревизором предстанет в новом свете. И будет не более, чем тщательно выстроенным театром. Проверка на прочность психики руководителя и подчиненных, всякие там околпсихологические штучки со стресс-тестами... Тут лучше под горячую руку не лезть и специалисту не мешать. Знал это Берц в полный рост в свое время.

Но если он неправ... Тогда Честеру можно еще больше навредить. Ревизоры-идиоты, как правило, особая каста специалистов – вьедливая, старательная и очень злопамятная. Вплоть до проверки через пару месяцев или полгода, выполнены ли все их рекомендации. Так что просто втихую вернуть Уайза на место не получится – не тот случай. Но и оперативный отдел Берц отлично понимал – у него и самого чесались кулаки и зудело стремление что-то сделать настолько, что на месте сиделось из рук вон плохо.

Узнав о желании сослуживцев вместо утренней планерки прогуляться к шефу Корпуса с коллективной просьбой вернуть начальника, он немного посопротивлялся, но быстро согласился с весомыми аргументами против ревизора.

Проследив накануне вечером взглядом за траекторией движения штатного гения Тайвина, Берц понял: не домой тот пошел с работы. Домой ему не в ту сторону, а вот к его неумному другу во временной отставке – как раз туда. А потому Берц постарался прийти на работу на следующее утро как можно раньше: проконтролировать оперативников. И вообще, кто знает, что за ночь пришло в голову этой парной гремучей смеси любопытства и гениальности?

В отделе красным огоньком мигали все рабочие планшеты оперативников, а вечные интроверты Корпуса, Марк и Серж, привычно оставшиеся на ночное дежурство, так посмотрели на первопроходца, что Берц не стал ни уточнять, что за подоплека кроется за их выразительными взглядами, ни откладывать почту на потом. Он прочитал письмо. Сперва наскоро, потом вернулся к началу послания и перечитал еще раз, более внимательно. Подавил непрощенную улыбку, что так и норовила заползти в оба уголка губ, и сдержал легкий вздох досады пополам с раздражением – да не нужен ему этот руководящий пост, сто лет бы его не видел. Он и в оперативный отдел-то из астродесанта сбежал на условиях, что вопрос назначения его

начальником чего или кого бы то ни было не поднимется никогда. Ни в перспективе, ни в принципе.

Подумав детальнее, Берц чуть за голову не схватился, осознавая масштаб проблемы. Сейчас офис заполнится роем злых, как голодные иглобрюхие суккубы по весне, оперативников. Прикинув, какова будет реакция коллег на письмо и вчерашний провал, Берц чертыхнулся. С трудом налаженные будни оперативного отдела со свистом летели скорпикоре под хвост. Скорее бы шеф на работу прилетел, к Аристарху Вениаминовичу вопросов будет много.

Берц еще подумал, переглянулся с дежурными интровертами, глянул на часы, чертыхнулся вторично. Хотел завернуть заковыристую тираду, но привычным длинным выдохом прочистил мысли и легкие, лишь позволив себе в финальной порции кислорода втиснуть в окружающий мир тихое и злобное:

– Чтоб его все через колено...

Не помогло. Но продолжить мысль Берц не успел на одно краткое мгновение. Только он набрал воздуха побольше и все-таки приготовился выругаться бронебойной очередью коротких сочных словечек, вспомнив армейское прошлое, в котором на цветистые и витиеватые ругательства не хватало ни времени, ни дыхания, как из соседнего отдела раздался голос.

– Роман Витальевич! Вы уже на месте? Зайдите, пожалуйста.

Берц с недоумением замер и насторожился – он уже и забыл, когда в последний раз его по имени-отчеству величали. Но не узнать слегка скрипучий, однако отлично поставленный годами преподавательской и административной работы необычный тембр, пролегающий где-то на границе между тенором и баритоном, не мог.

Александр Николаевич Санников, координатор от Всемирной ассоциации наук, невероятная по степени пассионарности и пользы для Шестого личность. И вечный почти соперник штатного гения Корпуса. Ладно, когда экспедицию к Седьмому посылали, и научный отдел не на кого было оставить, Александр Николаевич у них мгновенно сконденсировался и долго не желал дематериализовываться, даже когда штатный гений обратно вернулся. Но чтобы в обычное рабочее время Тайвин вот так запросто заклятого коллегу Санникова к себе в отдел пустил... Раньше все ежи на Земле иголки потеряют в попытке понять, что произошло.

Берц пересек коридор и возник безмолвным, но очень укоризненным силуэтом на пороге научного отдела.

– Александр Николаевич? Не ожидал.

– Что вы! – небольшого росточка ученый выбрался из-за заваленного горой документов и завешенного парой десятков голограмм заумных графиков и схем стола и замахал на оперативника руками. – Для вас – просто Лекс! Какое счастье иметь внеочередную возможность заглянуть в чертоги разума вашего штатного гения! Очень кстати прихлась его стажировка, я как раз...

Послышался шум со второго этажа: начинался рабочий день, и в раздевалке нарастал гул приветствий и разговоров. Берц склонил голову, прислушиваясь к сослуживцам, но на ключевое слово среагировал мгновенно и нахмурился, прервав ученого.

– Стажировка?

– И самому умному человеку на свете порой необходима толика мудрости, – подмигнул Санников, ухватил Берца за плечо и повлек обратно в оперативный отдел. – Помните, как у Сократа...

– «Я знаю, что ничего не знаю»? – с пониманием уточнил Берц.

– Почти, – хмыкнул Санников. – «У солнца есть один недостаток: оно не может видеть самого себя». Супервизия для ученого его уровня – дело жизненно необходимое. Пойдемте, пока наш черно-белый уроборос Корпуса в отъезде, у меня для ваших пингвинчиков дело есть. Не обижайтесь только, я с уважением и любя.

– Честера тоже с ним отправили? – приподнял бровь Берц, проигнорировав «пингвинчиков», и остановился в центре коридора.

Санников был вынужден затормозить.

– Разве вас это удивляет? Я думал, все закономерно, где один, там и другой.

– Нет, Лекс, это нелогично, – Берц никак не мог толком объяснить и себе, что царапает ему стройную цепочку рассуждений, и попробовал порассуждать вслух. – Допустим, супервизия, или возникли новые веяния в нанокрибернетике, тогда командировка Тайвина мне будет понятна. Но что Честеру там делать? Тем более в свете недавних событий. Только что почти уволили – и вдруг на стажировку?

– Ваша правда, – вынужден был признать Лекс. – Но нам ли с вами оспаривать то, что спустили сверху?

Берц вздохнул, поддался на настойчивые порывы Санникова продолжить их короткий путь и кивнул. Что бы он ни думал по поводу внезапного отсутствия руководителей и научного, и оперативного отделов, правды он может добиться отнюдь не скоро, если вообще когда-то узнает. Хорошо, хоть аналитический трогать не стали, правда, там и трогать нечего – вряд ли кому в голову придет разделять рыжих братцев-аналитиков или отправлять их обоих в таинственную командировку неизвестно зачем.

Сплоченный тандем появления временных заместителей развеял мнимый флер спокойствия: успевшие подняться в офис оперативники развернулись ко входу, и Берц чуть не расмеялся. А Лекс неплохо подметил!

Первопроходцы в черно-белой форме Корпуса, мрачно кочующие от стола к столу в попытках обсудить план возврата законной власти в лице Честера на присущее тому место, действительно напоминали взволнованную стайку пингвинов. Последними за спинами Берца и Санникова в отдел забежал Вик, степенным шагом прошествовал Али, за ним проследовали стажеры, посмеиваясь и толкая друг друга локтями в бока – Март и Ви, единственная ласточка в их пингвинятнике, и, конечно, вслед за своей птичкой зашел и Красный.

– Смотрю, юная леди, я оказался близок к истине? – с хитрой усмешкой обернулся и прищурился на нее Санников.

– Я... Да. – Ви запнулась, зарделась, отступила на шаг назад и прижалась спиной к Красному в инстинктивном поиске поддержки.

Оперативник в ответ бережно обнял ее за плечи: он не понял, откуда Ви знает Александра Николаевича, почему она смутилась и испугалась, с ее-то опытом и подготовкой, но ответственно приготовился защитить хрупкую стажерку с железными нервами от маленького гиперактивного ученого. Так, на всякий случай.

– Какие дела? – поинтересовался Красный поверх Ви.

– Да вот, – кивнул Берц на его стол, где рабочий планшет мигал срочным уведомлением. – Прочитай и скажи, как это увязать с тем, что Честера и Тайвина сегодня ночью отправили на стажировку?

– На какую стажировку? – не понял Красный, отпустил Ви и подхватил с рабочего стола свой планшет. Тонко настроенная на пользователя техника незамедлительно отозвалась, развернув в проекцию последнее письмо, и оперативник принялся читать.

Отдел молчал. Санников в стороне не остался: он тут же пристроился к Красному сбоку и тоже погрузился в чтение. Закончив скользить глазами по строкам, ученый и первопроходец посмотрели друг на друга.

Глядя на вытянувшееся в недоумении лицо Александра Николаевича, и медленно начавшего алеть Красного, Берц понял, что версия со стажировкой лопнула, забрызгав нехорошими предчувствиями всех присутствующих.

Когда срочно ночью срываю в командировку непонятно куда, времени писать такие послания нет, разве что Честер не предполагал вернуться. Но в письме ни слова, ни полслова

нет ничего про поездку, значит, написал заранее, и писал долго и от души, это заметно. Вопрос, будет ли человек, которого вызвали на стажировку после временного отстранения, забывать про почти прощальные напутствия подчиненным, вопросом больше не был. Чез никогда бы не стал всему отделу попусту нервы трепать и удалить письмо не забыл бы. Значит...

Застывший Красный отмер, сравнялся цветом с ярко-красной тревожной кнопкой «Cito!» на дежурном пульте и высказался. Ровным речитативом, не повышая голоса, не меняя интонации и выражения лица, словно лекцию стажерам читал, но к ее концу земные комнатные цветы могли бы свернуться обратно в семечко. Однако кроме наспех собранного Ви вчера по лугам букета из местных полевых цветов, скромно позвякивающих хрусталем венчиков друг о друга, растений в офисе оперативного отдела не было. Кремнийорганика же оказалась более устойчивой к крепкому словцу, и стыдливо завянуть наподобие нежной углеродоорганической фиалки не пожелала. Через полторы минуты Красный выдохся. Ви рискнула подойти к своему первопроходцу и сочувственно погладить по плечу, а Вик, тряхнув разноцветной шевелюрой, резюмировал:

– Жалко, что на основе ругани краски для волос не делают. Мне бы подошло, я уверен. А вот из тебя не получится вежливого Кролика.

Красный поймал у себя на плече руку Ви, подтянул ее к себе, за ней – и девушку целиком к сердцу поближе, и парировал:

– Знаешь, почему в книге Милн написал: «Кролик был очень воспитанным, поэтому ничего не сказал»? Потому что цензурный словарный запас у Кролика кончился. У меня вот тоже кончился, и я воспитанный. Был. Но и воспитание имеет свойство заканчиваться.

Оперативники дружно фыркнули, а Ви пробежалась глазами по голограмме и переглянула с Красным – что-то их обоих до чрезвычайности беспокоило. Как и остальных первопроходцев. Стажировка? Держи карман шире. Просто руководители научного и оперативного отделов понадобились очень срочно и совершенно секретно. Но зачем такая хилая легенда? Оперативникам можно было и напрямую сказать, не маленькие, и допуск секретности по второй форме все подписывали.

– Роман Витальевич, – подал голос Санников.

Временный заместитель востепенулся, оглянулся на коллег, увидел невысказанный вопрос у них в глазах и ответил:

– Для вас – просто Берц, если можно. Давайте дадим ребятам время на размышление, пойдемте лучше к вам, обсудим, что такого срочного от нас нужно. И давайте пока лишних предположений не строить и панику на пустом месте не наводить.

Первопроходцы и Санников кивнули, и Берц вместе с ним удалился. А оперативный отдел немножко залихорадило шепотками и недоумением. И когда в офис через полчаса прилетела ревизорская зараза, тут же вызвав к себе Марта, поводов для пересудов порядком прибавилось. Первопроходцы не могли толком дать себе отчет в том, что именно не так. Не сиделось на месте, дела валились из рук, а взгляд то и дело возвращался к письму, что висело над планшетами полупрозрачными строчками, увещевая, успокаивая, будоража и заставляя беспокоиться все больше и больше.

«Да начнется новый день, полный оперативных чудес и научных свершений!»

Аристарх Вениаминович! Должен попросить у вас прощения. И за мои ошибки, и за ваши обманутые ожидания. Я понимаю, что не оправдал ваших надежд в полной мере, но все же очень рад, что вы дали мне возможность прикоснуться к этому удивительному миру и поработать с такими замечательными людьми. Я уверен, вы знаете, кому передать мои полномочия, но от себя очень прошу присмотреться к кандидатуре Романа.

Вернер, простите меня за откровенный идиотизм в случае с ЭМИ-воздействием, я не знал, с чем имею дело. Надеюсь, не сильно вас обидел. Вы не бросайте Корпус, пожалуйста,

мы с вашим «Авангардом» и колониальной полицией почти как мифологическое триединство – отлично работаем, вместе намного лучше, чем по отдельности.

Ребята. Я понимаю, что ситуация, в которую мы с вами попали, несколько нетипична. Оперативный отдел не был подконтролен никому, кроме каких-то верхов Межмирового правительства, о которых даже я ничего толком не знаю. Это вам у Аристарха Вениаминовича неплохо бы уточнить, заодно мне потом расскажете, интересно. И для меня стало сюрпризом, как и для вас, появление настолько детальной проверки.

Очень прошу, не вините полковника Андервуда во всех бедах и грехах, работа у человека такая. А я просто под руку попался, вы же знаете, где я, а где инструкции.

О, инструкции, чуть не забыл. Великолепную пятерку не троньте ни в коем случае, они – оплот стабильности и порядка в нашем отделе. Вик – не забывай о том, что кроме тебя некому о фирменном стиле Корпуса позаботиться. Ты еще научному отделу эмблему должен. Дан, держи в порядке наш холодный арсенал, и запишите, наконец, альбом со своей группой, а то ударные ты задолбал, а нас – еще нет. Али, разберись с личной жизнью, утренние девичьи слезы под окном офиса дурно влияют на рабочий настрой. И на тебе третий стажер, только тебе могу доверять. Уилл, не позволяй приметам стать твоим единственным ориентиром в работе. И слушай внутренний голос, он у тебя всем фору даст. Марк, Серж, обязательно выиграйте Гран-при Межпланетарного художественного конкурса, вы можете. Дэйл, снимай как можно больше, у тебя талант. Красный, пиши фельетоны, ты талант не меньший. И Ви не обижай. Ви – удачи. Март – пробуй. Не уверен, что твое место здесь, но я тебе искренне рад.

Ром, ты за старшего, присмотри за этими раздолбаями. И отдай запись с зыбуна ксенозологам, я им отдельно письмо прислал, но лишним не будет. Тропизм к красному цветку – уникальная штука, мне кажется, им будет интересно.

Что еще хотел сказать. Я бесконечно вами дорожу. Всеми. Ви и Март, к вам тоже относится! Если сложится так, что я больше в Корпус не вернусь – жизнь просто будет продолжаться дальше, и ни для меня, ни для вас не закончится. Я бы хотел, чтобы вы это понимали и помнили.

Не прощаюсь, и надеюсь все-таки вернуться.

Чез.

P.S. А если в отдел вдруг когда-нибудь будет нужен новый оперативник – вы знаете, где я живу. Может, начальник из меня так себе вышел, но в полевой работе я точно могу пригодиться. Я полезный.»

Гриф был просто вне себя и невероятно досадовал. Стоило ему подвести проект к закономерному итогу – финальному мелкому интриганству и возвращению блудного отстраненного начальства – как Честера вместе со штатным гением вприкуску уводят буквально из-под носа! И как: просто-напросто сгребают два спящих нетрезвых тела и под видом тяжелых пациентов совершенно легально увозят на орбиту! А там, конечно, поминай как звали. И документация в порядке, хотя в госпитале медики оказались порядком удивлены: по их ведомостям и историям болезней два лишних человека обнаружили, а по факту, естественно, их в глаза никто не видел.

Это же надо, второй раз на те же грабли! Старость подкрадывается?

Подлетая к офису Корпуса первопроходцев, Гриф скривил губы в невеселой ухмылке. Допустим, в первый форс-мажорные обстоятельства по поиску ребенка вынудили ревизора снять с беспокойного рыжеглазого внешнее наблюдение, нужны были каждые руки. Но во вто-

рой какой бес его под руку толкнул отдать приказ? Успокоился, что Честер в надежных руках ученого друга, тут-то нюх и отбило начисто? Пожалуй, что именно так.

Это еще повезло, что пропажу быстро заметили – один не в меру ретивый из наблюдения решил повыслуживаться, прибыл на пост внепланово и сразу к Грифу с новостями побежал. Пришлось наскоро организовывать легенду со стажировкой, из которой белые нитки вперемешку с черными торчали так криво, что никакой критики не выдерживали. Тем более, что рыжеглазый, похоже, опередил его на один шаг и оставил что-то вроде прощальной записки. Андервуд, чеканной походкой отметив свое появление в оперативном отделе, нацепил себе самое снобистское выражение лица, которое смог найти в богатом арсенале притворства, так что позволить себе остановиться и почитать не мог, но суть, скосив глаза, ухватил почти сразу, и по отрывкам фраз, и по настроениям среди первопроходцев.

Ревизор оккупировал кабинет Честера, запросил копию послания, прочитал и зашипел сквозь сжатые губы, злясь на все и всех сразу. Но не бросать же проект на конечной стадии.

Гриф был уверен, что попытка заслать новичка-казачка добывать сведения и будет тем самым необходимым, интересным, маленьким, но очень показательным моментом. Тут или новичок решит побыть шпионом, и в итоге коллектив устроит ему бойкот, если застанет на месте преступления и сложит два и два, либо новичок расколется, бойцы его примут, но не будут доверять важное.

Такое тараканье состояние людей, разбегающихся по углам посекретничать без излишних наблюдателей, Андервуд точно увидит.

Он допускал тот вариант, что стажер может попробовать втереться в доверие к коллективу и выгадать для себя побольше пользы... Но нет. Гриф ни на йоту в это не верил. Что-то, а персонал Честер подбирал с какой-то inferнальной маниакальной приверженностью собственному чутью. Вряд ли и здесь ошибся.

Но вопросы все равно оставались. Как оперативный отдел себя поведет в отсутствие руководства? Они уже откинули версию со стажировкой, но пока не до конца верят в пропажу и теряются в догадках, так что им сложно, они взбудоражены, расстроены, злы, дезориентированы, досадуют на себя, имеют зуб на ревизора, так стажер может и под горячую руку попасть. Однако отступить Гриф не привык, и вызвал к себе Мартина.

Глава 21. Экстренное лечение алкогольной постинтоксикации

Сознание приходило медленно и как-то рывками. Помнится, пили мы вчера что-то странное, не то абсент, не то... текилу, точно. Глаза открываться не хотели категорически, мутило, вдобавок адски болела голова, а тот легион кошек, что отметился у меня во рту, я бы лично отловил и передал Полиграфу Полиграфычу. Может быть. Но это неточно.

– Та-а-ай... дай чего-нибудь, – не разлепляя век, жалобным полусшепотом попросил я. – Водички или топор. Или знаешь что, давай ты прямо сейчас придумаешь таблетку от похмелья. Я тебе тогда лично памятник поставлю. Почему за столько веков существования человечества никто панацеи от злобной птички перепела так и не придумал...

– Потому что похмелье – это совокупность постинтоксикационных реакций организма на злоупотребление этиловым спиртом. Что требует симптоматического лечения, – наставительно произнес мой ученый друг.

Судя по вялой хрипотце, состояние у Тайвина было ненамного лучше моего. Откашлявшись, он самым что ни на есть официальным тоном продолжил.

– Понимаете ли, многоуважаемый Честер, не получится. Ни топора вам дать, ни водички, ни таблетки от похмелья.

– Почему? – полным грусти и безнадежности голосом осведомился я.

– Дело в том, что нас, кажется, похитили.

На этом факте я резко проснулся и попытался сориентироваться в пространстве, и хлынувший в кровь адреналин немного разогнал поганое похмельное состояние.

– Чего-чего? Ты серьезно хочешь сказать... – я замолчал, оглядываясь. Нас удобно разместили на пассажирских креслах стандартного шаттла для внутригалактических перелетов, широкие ремни, обвившие талию и грудь, были дополнены надежными фиксаторами на запястьях и ступнях. – Н-да, я понял. Ты как?

– Что со мной может случиться? Страдаю, как и ты, – пожал плечами штатный гений. – Или ты про сердце? Вроде в порядке.

– Надо что-то делать с твоим пороком, а то я так и буду за тебя бояться при каждом перелете, что плановом, что внеплановом. А почему до сих пор так плохо? В любую точку Галактики же минимум двое суток лететь по общему времени...

– А ты думал, тебе снотворное дают, чтобы ты выспался? – Тайвин, казалось, развеселился, глядя на мое недоумение. – Это анабиотик, балда. Замедляет до максимально возможного минимума процессы жизнеобеспечения в организме. Но потом-то они возвращаются на круги своя. Вместе с похмельем.

– Максимально возможный минимум... – я покатал словосочетание на языке, пробуя на свой извращенный лингвистический вкус. – Возьму на вооружение.

Судя по шуму и сполохам за обзорной переборкой, шаттл вышел на орбитальную траекторию и готовился отделить посадочный модуль с нами на борту. Только вот куда нас привезли, интересно мне знать? И зачем? Ладно Тайвин, он у нас гениальный гений, а я тут причем, за компанию что ли прихватили? О чем я незамедлительно принялся рассуждать вслух. Тайвин посмотрел на меня, как на идиота, и уточнил:

– Чез, ты сейчас серьезно? Я вчера, или сколько времени по общемировому прошло, чуть не умер столько пить и объяснять тебе, кому и зачем ты нужен. Второй раз я не переживу.

Я смущенно потупился и пояснил:

– Я имел в виду, что на Шестом мне было бы понятно. Я – уникам, все такое... Ты вчера, ну или когда там, был весьма убедителен. Умеешь, когда тебе надо! Но меня в колонии каждая собака в лицо знает, не говоря уж о гептаподах, можно было просто заявку подать, а не тырить из дому.

Мы дружно хихикнули, вспомнив, как я эти блюдца размером с маленькую лошадь дрыном вдоль условной спины отходил.

– Головой подумай, если она у тебя после вчерашнего еще не отвалилась. Мы имеем дело с чем-то противозаконным. И потом, ну какая заявка, ты же еще в должности не восстановлен, – резонно отметил друг.

Я в задумчивости почесался щекой о плечо.

– А, ну да. Точно. А ты уверен, что восстановят?

Штатный гений насмешливо фыркнул, отражая всю степень презрения к ревизору.

– То есть криминал тебя не волнует. Восстановят. Пережить без тебя пару недель или даже месяцев колония сможет, но ты еще ни одного из своих орлов до собственного уровня не дотянул, так что чем дольше тебя нет – тем хуже колонистам. И потом, представь, сколько в тебя средств вложено. В твоё обучение, в твои ошибки и успехи, твои запросы и их реализацию. Тебя увольнять и муштровать нового руководителя с нуля банально невыгодно с экономической точки зрения. Кого, кстати, думаешь сделать своим идейным продолжателем?

Я опустил глаза и тихо признался:

– Вообще я думал, что это будет Макс. Но, как видишь, в людях я разбираюсь намного хуже, чем в гептаподах.

Улыбка вышла кривоватая и беспомощная: несмотря на то, что я храбрился, и отстранение от должности, и предательство без пяти минут заместительницы по-прежнему отдавались глухой болью в глубине души. Тайвин понимающе кивнул и продолжил на меня испытующе смотреть.

– Ну не сверли ты меня взглядом, боюсь я ошибиться. Пока думаю в сторону новенького, Мартина, он самый потенциально талантливый.

– Мартин, Мартин... А, это которого ты из десантуры подобрал?

Я утвердительно кивнул и продолжил:

– Ви тоже мне нравится, она упертая. Но ей надо сначала дать с Красным и делами сердечными разобраться, а потом уже про работу думать. Может, мы двух оперативников не приобретем, а лишимся, кто их знает. А из старичков... Может, Вик?

Тайвин с досадой покачал головой:

– Слишком он у тебя... творческий. Для такого рода личностей характерна духовная сумятица и эмоциональные качели, из него руководитель оперативного отдела, как из меня – гриб. А насчет Ви... тебя не смущает, что она может в любой момент уйти в декрет?

Я хихикнул.

– Тайвин – гриб! Почему гриб? Но я запомню, и не надейся. Будешь Мухоморчик, ты у нас личность яркая и ядовитая.

– Что первое в голову пришло. Я тебе уши оборву, только посмей на меня прозвища навешивать. И в нос дам.

Я немедленно восхитился.

– Так ты сам себя с грибом сравнил, я-то тут причем. А ты умеешь?

– А то, – снисходительно глянул на меня гений. – С двумя старшими сестрами, от которых младшего брата надо отбивать, пожил бы, и не такому бы научился.

– Ясно, – улыбнулся я. – Не хочешь быть Мухоморчиком, обзову Бледной поганкой. О, придумал! Желчный гриб! Да ладно, ладно, не шипи, не буду обзывать. А насчет декрета... В декрет может кто угодно уйти, сейчас бы в середине двадцать третьего века мам и пап по декретному признаку делить. Справимся.

– И все равно. – Перестав на меня злиться, Тайвин упорно гнул свою линию. – Вот тянет же тебя на всяких обиженных. Скорпикору прикормил, девочку у гептаподов изъясил, астродесантников на пряник приманиваешь, сотрудника охранного агентства зачем-то суккубами совратил. А если не подойдут?

– Если не подойдут или откажутся – тогда Берц, – пожал плечами я. – Очевидно же. Я там письмо написал, попросил его пока на командование поставить, а там мы бы разобрались.

– Письмо? Письмо – это хорошо, может, у Андервуда что-то шевельнется в том месте, где совести положено расти. Берц будет против, – вздохнул гений. – Да, проблемка.

– Да почему вдруг? Я вообще считаю, что несправедливо занимаю его место.

Я и правда так считал, и по сию пору.

– Ты сам прекрасно знаешь, – мягко сказал Тайвин. – Роман – великолепный первопроходец, отличный боец и командир. Для военных. Но он не лидер для оперативников Корпуса. Со временем я думаю, он возглавит собственное военное подразделение, близкое к тебе, зачем такой талант на побегушках держать. Но он – не ты. И тобой не станет. Вернемся к нашим баранам, то есть, потенциальным работодателям.

– Угу. Вот ты говоришь, криминал меня не волнует. Волнует, конечно. Только я его представителей еще ни разу в жизни в глаза не видел, если не считать Алана и школьных торговцев легкой наркотой. И с Макс тоже... концов полиция так и не нашла никаких. Эх, аналитиков бы сюда, жаль, что я – не Ан, а ты – не Чингиз, – посетовал я, чувствуя глубокую признательность другу за теплые слова и веру в меня. Сам я так в себя не верил, как окружающие. – Но могу предположить, что потребовались мы оба по вполне прямому назначению – разведывать и изучать.

– Седьмой, – хором сказали мы и переглянулись. Такого поворота, признаться, мы точно не ожидали.

Небольшие перегрузки сменились мягким толчком и тишиной. Ремни с тела с тихим шелестом втянулись внутрь кресел обратно, а вот фиксаторы с конечностей, естественно, нет. Я склонился к подлокотнику и сладострастно почесал нос.

– Что, продолжения захотелось? – съехидничал Тайвин.

– Боже упаси, – меня передернуло. – Может, недели через две-три, точно не раньше.

– Смотри мне.

– Куда?

– На себя.

– Да смотрю. Чувствую себя в глубоком андеграунде.

– Скорее им самим пребываешь, пьянь.

– Кто б говорил, ядовитая ты зараза.

За безобидной перепалкой мы тщательно друг от друга скрывали волнение и чувство ожидания грядущих неприятностей. Переборка двери отъехала в сторону, в пассажирский отсек просочилось пятеро крепких мужиков с иглометами наизготовку, окруживших нас по периметру.

Пока охрана подпирала стены и дверь, я, склонив голову, беззастенчиво разглядывал их экипировку и внешний вид. Боевые экзоскостюмы, со встроенным, но не активированным режимом хамелеона, иглометы новейшей модели, на запястьях – гибкие смарты, последний писк моды. Лица у всех суровые и непреклонные, и с едва уловимым налетом причастности к общему делу, которое бывает у людей, давно и плотно состоящих в клубах по интересам. Я, например, как-то на спор в компании узнавал представителей военных структур и близких к ним профессий, врачей и педагогов, и ошибся лишь один раз. Наверное, и у нас постепенно появляется эдакий налет профессиональной деформации, вот только у этих чувствуется жесткость что ли, даже жестокость.

– В бандах дисциплина и иерархия похлеще, чем в военной части с самой дедовской дедовщиной, – глубокомысленно изрек я в пространство, припомнив прочитанные по работе давным-давно статьи о психологическом портрете человека, состоящего в преступной группировке. Пространство никак не отреагировало, чего я, признаться, и не ждал. Тайвин дернулся, но промолчал – видимо, хотел предупредить, чтобы я не нарывался.

В двери показался знакомый силуэт – там стоял, не к ночи будь помянут, Алан собственной персоной в глухом деловом костюме с воротником-стойкой на восточный манер. Помнится, после того, как я изгнал «Апостол» с Шестого, но Алану дал шанс, синдикат на меня здорово обиделся. Видимо, как и сам Алан.

– Ба, какие лица! – обрадованно воскликнул я. – Извините, мы не при параде.

– Я чувствую, – вместо приветствия поморщился человек-невозмутимость. – Хорошо посидели?

– Просто отлично, – обтекаемо ответил я и поинтересовался: – Чем обязаны?

– Приглашаю вас на прогулку в одно крайне любопытное место, – Алан заложил руки за спину, принял устойчивую позу и, никуда не торопясь, начал рассказывать. – После того, как вы имели неосторожность пресечь деятельность синдиката «Апостол» в колонии Шестого мира...

Я бесцеремонно его прервал.

– Алан, говорите прямо. Я вышвырнул ваших боссов с Шестого не потому, что мне жопа под хвост попала или я обиделся на попытку подкупа и убийства моих коллег, а потому, что были нарушены правила колонии, кодекс первопроходцев и межпланетарный свод законов, причем довольно грубо и весьма по-хамски. Вы должны понимать: успешное существование колонии – результат их соблюдения больше, чем наполовину. Не получились планы – так понастройте новых, желательно подальше от Шестого.

– Обязательно. И они получатся, если вы не будете у нас под ногами мешаться, – с толикой раздражения ответил Алан.

– А, так вот почему вы меня с кресла спихнуть захотели! – просветлел я. – А я-то все голову ломал, кому оно надо и зачем. Почему же с первого раза сразу не стали убивать или подставлять?

– Изначально я влияние фактора вашего присутствия не учел до конца. И когда понял, что вы из себя представляете, сразу предложил вас или устранить, или сменить вам место работы принудительно. А с захватом лагеря на экваторе и попыткой манипуляции вашим сознанием не мои идеи. Я в бредовых планах с неграмотной реализацией не был замечен, и предпочитаю в оных не участвовать, – отрезал промышленник немного громче, чем обычно.

– Только если их сверху не спустят? – хитро прищурился я. – А над этим верхом, похоже, еще верха есть, и у них для вашего ментата с экзотическими идеями кредит доверия и средств побольше, чем у вас. Я прав?

Алан не ответил, но я нутром чуял, что угадал, и попытался посочувствовать.

– Я понимаю, вы просто исполнитель, и, поверьте, совершенно не хотел, чтобы из-за моего решения у вас были проблемы. И я предлагал вам альтернативу, а вы с нами вот так... И что же я, по-вашему, из себя представляю? – с любопытством прицепился я к апостольцу.

Алан наклонился ко мне и изучающим взглядом прошелся по мне снизу доверху, в завершение инспекции посмотрев мне в глаза – и мне стало немного жутковато от черной бездны, что притаилась за его зрачками. А он резюмировал:

– Огромную головную боль. Моя бы воля – я бы в принципе на Шестой никому не посоветовал лезть. Дороже выйдет. А если бы я и хотел по вашей рекомендации отойти от дел, – в его нечитаемых темно-карих глазах я уловил легкую тень несбыточной мечты, которая тотчас же улетучилась, – я вряд ли бы смог. Уж вы-то должны понимать.

– Понимаю. Короче. Седьмой, да? Закрытый мир, новые ресурсы, новые существа, новые вещества... вам будет где развернуться. И законов тут пока нет. Что вы от меня хотите? От него – понятно. – Я кивнул на ученого, не отрывая, впрочем, взгляда от Алана. На лице у нашего похитителя не дрогнула ни одна мимическая мышца.

– Того же, что вы делаете всегда – исследовать новый мир. Мне стоило, кстати, больших трудов убедить своих, как вы выразились, боссов, в вашей полезности. Неужели вам неинтересно?

Мне, разумеется, было более чем интересно, и я намеревался получить от организованной преступности как можно больше, раз подвернулся такой случай.

– Интересно. Но работать за еду я не привык.

– Вот так просто? – делано поразился Алан. – Надо было не ваших людей подкупать, а вас?

– Нет, конечно, – я улыбнулся краешком рта. – Вы прекрасно знаете, куда бы я вас послал с таким предложением. Собственно, я и послал. Но вы связали меня по рукам и ногам в буквальном, – я демонстративно пошевелил пальцами, – и фигуральном смысле. Запасного шаттла, увы, в кармане не ношу, деваться мне некуда, а вместо бессмысленного упорства и голодовки я предпочту работать. Все равно рано или поздно это делать.

– Вы меня приятно удивляете, Честер. Что вам потребуется?

Переговоры с Аланом затянулись, а Тайвин, подхвативший мою инициативу, мне показалось, вытянул из него вообще всю душу, сварливо по триста раз уточняя названия и параметры нужной ему аппаратуры.

– Фотонный микроскоп тебе зачем? – спросил я, когда нас под конвоем завели в большое помещение и оставили одних. Посреди огромной, отлично освещенной полупустой комнаты с серыми стенами стояли столы, видимо, под аппаратуру, стойка с голопроекторами для меня, в глубине виднелись несколько дверей, к которым я и направился. За первой дверью обнаружили две койки с полками над ними и одной тумбочкой посередине, над ней нависал небольшой ночник. Негусто. Я засунул нос и в тумбочку – там несколькими стопками лежали обезличенные серые футболки и нижнее белье. Позаботились, и на том спасибо.

Тайвин остался стоять и оглядываться посередине выделенной нам скаковой площади. Услышав мой вопрос, он ответил:

– Не «фотонный микроскоп», а двухфотонный электронный лазерный микроскоп Денка в квантовой модификации Колмогорова.

– Ну ты и зануда иногда, – отметил я, заглядывая за вторую дверь, там расположился скромный душ и санузел. – Так зачем?

– Поиграться хотел, обеспечивают-то нас хорошо, но государственному финансированию такие игрушки не по карману. Особенно если они по факту практически низачем не нужны. – невозмутимо пожал плечами штатный гений. – Я же не попросил микроплазменную горелку, пару килограммов алмазов и лом титаново-палладиевого сплава.

– А если бы попросил?

– Вряд ли мне бы их привезли, – с некоторой ноткой сожаления отметил Тайвин. – Учтывая, что я еще набрал, я бы умную броню спать смог, и мы б с тобой, считай, по красной дорожке с фанфарами отсюда вышли.

– А без горелки и алмазов не получится?

– Не получится. Если фотонный микроскоп я еще могу протащить, то более очевидные компоненты антигуманного характера и неспециалисту понятны. В общем, собрать на коленке игломет или ядерный реактор не выйдет, и не мечтай.

– Вот блин, а так хотелось, – буркнул я, продолжая осматриваться. – Вот знаешь, что мне не нравится?

– И что же?

– Наш сборный отчет по Седьмому ушел в «Авангард» и Санникову, и после нас быстро умыкнули, и месяца не прошло. До Земли информация бы неделю шла, да еще время скоординироваться, до Седьмого долететь... Но постройки тут хоть и свежие, но чтоб за неделю-две... Маловероятно, скорее, месяц, не меньше, как раз, когда мы вернулись. Получается, у них там крот, у наших военных, не на Земле, как я думал, – констатировал я.

– Почему не в научных кругах? – спросил Тайвин.

– У ученых очень вряд ли, они ребята в большинстве с пунктиком на науке и себе. Они такую авантюрную свинью подложить вряд ли способны, а тут точно работа командная и криминальная, – уверенно сказал я. – А с «Апостолом» мне все понятно. Зачем синдикату теперь один рудник с оксидом лутеция, если потенциально есть полная планета наркоты, а то вдруг и пара сотен таких рудников найдется, да без охраны. Не хватало только того, кто эту наркоту достанет без особых людских потерь, и кто ее побыстрее изучит и синтезирует в лабораторных условиях. Зато теперь от Шестого они отстанут – и хорошо, ребятам попроще без меня будет.

– А почему ты так быстро согласился? – с недоверием спросил ученый.

– Не можешь предотвратить пакость – возглавь. А если серьезно, выбор был, Тай? Либо я пытаюсь выиграть время, а заодно и узнаю мир, и пробую «Апостолу» палки в колеса повставлять по возможности, либо подвергаю опасности тебя и себя. Я-то ладно. Но штатными гениями разбрасываться...

Тайвин только губы поджал, он тоже расклад понял отлично. И ему происходящее точно так же не нравилось, как и мне.

– И еще. Я не вижу тут ни одной камеры наблюдения. Я все обсмотрел, даже скрытых не нашел. Странно это, не находишь?

Тайвин хмыкнул.

– Тебе виднее, ты у нас оперативник. Может, прослушка какая есть, ты б конструктивных идей вслух не подавал. Но вообще да, странно.

– Кто б говорил, – отозвался я в глубокой задумчивости и замолчал.

Не хотелось мне Тайвину говорить о том, что он прав, и за видимой лихостью моего решения кроется нешуточная моральная задница, которую я потом буду в себе порядком времени разгребать.

Через пару дней плевания в потолок криминальные элементы соизволили обеспечить нас материалами для работы. Мне привезли несколько петабайт записей, сделанных, по-видимому, просто с ограждения жилого комплекса, или что тут у них. Мы поверхности Седьмого так и не увидели – посадочный модуль приземлился сразу к «кишке» прохода к внутренним помещениям. Тайвину сгрузили кучу ящиков с его драгоценной аппаратурой и пару коробок с какими-то пробирками. Эти он, радостно фыркнув, принялся разбирать в первую очередь.

Более или менее приведя выделенное нам для работы место в относительный порядок, мы оказались в неудобной неопределенности – вынужденная изоляция от мира давала о себе знать постепенным повышением раздражительности и желания активничать, а поскольку мы не понимали, следят за нами или нет, чувство тревоги все усиливалось, приводя к досадным перепалкам на пустом месте. И если я, просмотрев пару часов голограмм, начинал делать заметки и ходить из угла в угол, то Тайвин молча и сосредоточенно работал, и я прекрасно чувствовал, как мы начинаем друг друга бесить разными привычками и организацией работы. В конце концов на утро четвертого дня я не выдержал. Звякнула вроде бы случайно задетая пробирка, разлетаясь мелким крошечком о бетонный пол.

– Зачем ты мне результат опыта испортил, гамадрил кошкоглазый?

Я неопределенно пожал плечами. Ну разбил тару, да, криворук я с утра.

– Внимания твоего хочу. Надо что-то делать.

– И что? – Тайвин уныло смотрел на осколки пробирки и медленно испаряющуюся едким дымом лужицу белесой жидкости.

– Как это что, странные ты вопросы задаешь, – ядовито ответил я. – Что обычно делают люди, оказавшись в подобной ситуации? Сбежать, конечно.

Тайвин еще более уныло посмотрел на меня.

– А если нас сейчас подслушивают?

– Да на здоровье! – широким жестом великодушно разрешил я. – Сколько угодно! Тай, ну ежу понятно, что мы не будем сидеть на заднице ровно. И наши «работодатели», – я изобразил пальцами кавычки, – прекрасно об этом знают. Вопрос не в том, будем мы пытаться сбежать или нет, а когда и как.

Я подмигнул ученому, и тот с ленивой заинтересованностью протянул:

– А я-то думал хотя бы здесь спокойно поработать.

Вот язва какая!

– А ты хотя бы на минуту прекрати думать, идет?

Тайвин злобно на меня покосился. Запрети, мол, козе капусту, рискни здоровьем.

Я подавил вспышку раздражения, и терпеливо пояснил:

– Здесь творится что-то крайне необычное. Я пока не могу толком тебе объяснить, но все шансы у нас есть. И я настоятельно рекомендую тебе действительно прекратить внутренний диалог, и попробовать посмотреть и послушать.

– Как с девочкой?

Я сделал вопросительный домик бровями. Тайвин пояснил:

– Мы с Романом смотрели запись с регистратора. Я не понимаю, как вообще ты смог увидеть ее в траве. Там даже сенсодатчики при переориентации на нужный цвет почти ничего не дают.

– Наверное... – растерялся я. – Ты же не будешь мне сейчас дифирамбы петь, правда? Не время и не место.

Тайвин ехидно улыбнулся.

– Не дожدهшься. Одного раза в пятилетку достаточно. Так, ладно, это потом, – штатный гений блеснул острым взглядом из-под очков. – Как обсуждать будем?

– А как в детстве. Придумаем свой язык, жутко секретный, и никому не понятный! – меня так и подмывало показать ученому язык в качестве наглядного пособия, но титаническим усилием воли я сдержался. Подурачимся потом, когда (и если) выберемся. – Но если тебе приспичило поработать, то пожалуйста...

Тайвин тяжело вздохнул и по-отечески пригладил мне вихор на макушке.

– Честер, двадцать семь годиков, все еще верит в сказки про сумасшедших ученых.

– А что, я неправ? – похлопал ресницами я.

– Чез... – укоризненно протянул друг. – Перестань. Я понимаю, что ты не в своей тарелке, оттого и сыплются из тебя плохие шуточки, как из драного мешка. Но мне тоже не по себе.

– Когда ты успел психологом заделаться? – мне стало неловко, но остановиться я смог не сразу. Я действительно ощущал себя максимально неуютно. В конце концов, похищали меня впервые, и не сказать, чтобы мне это понравилось. – Ладно, молчу, молчу.

Остаток дня мы провели каждый за своим занятием. Тайвин молча химичил, изредка хитро на меня поглядывая, я, вооружившись наушниками и блокнотом для заметок, просматривал записи с камер наблюдения, любезно мне предоставленные. И все больше хмурился – поведение наших тюремщиков не оставляло сомнений в нетрезвости рассудка.

Я, например, сразу установил бы круглосуточное наблюдение по периметру жилой зоны, попробовал сделать несколько вылазок и поставить, я не знаю, замаскированные голололушки, если дроны по каким-то причинам не срабатывают или местное зверье их залюбливает до

печального конца. И за нами я бы организовал круглосуточный мониторинг с прослушкой и биодатчиками. Мало ли чем мы заняты, что мы могли притащить с собой, и уж тем более таким типчикам как мы с Тайвином, я б вообще не шибко доверял.

Но то, что я видел и слышал, намекало недвусмысленно и весьма жирно на вопиющую безалаберность. Если за нами установлено видеонаблюдение – я и то сильно удивлюсь. Интересно, почему? Я нутром чуял вмешательство третьей стороны, и не мог представить себе, кто, как и зачем мог бы повлиять на криминальные элементы, обычно пекущиеся о своей безопасности аки травоядные за свою бесценную шкуру.

Когда отрубили свет, я залез на свою койку, распаковал термоспальник и приглашающе откинул его край. Тайвин понимающе хмыкнул, и нырнул в импровизированную палатку. Подождав, пока глаза привыкнут к полутьме, подсвеченной оставленным нам от щедрот фонариком, не говоря ни слова, я начертил первую от балды придуманную закорючку и напротив нее подписал букву.

Через полчаса молчаливого интенсивного мозгового штурма по придумыванию очередной фитюлины, призванной обозначать следующий алфавитный знак, я не выдержал.

– Слушай, а давай сказку напишем. – Тайвин странно посмотрел на меня, так, что я аж переспросил. – Что? Ну, сказку, сначала одну букву заменим, потом две, потом три, потом все. Чтоб закрепить. – я пытался как мог без подробностей объяснить свою идею на случай, если прослушка все-таки ведется.

– Я просто все ждал, когда тебя прорвет. Ты же органически не способен на молчание. Жалко, тут не с кем поспорить или организовать тотализатор. Я бы пару ставочек сделал.

– Да ты азартен! – изумился я. – Никогда бы не подумал.

– Да, – с видимым удовольствием в голосе констатировал ученый. – Я, как видишь, не совсем еще погряз в науке. А еще я люблю текилу, оливки и хамон.

– Про текилу я в курсе. Гурма-а-ан. Вот так работаешь с человеком, работаешь, а потом выясняется, что он хамон ест. Ужас же!

– Почему? – искренне удивился Тайвин.

– Оно же пахнет!

– Да. Это благородный аромат сыровяленой говядины.

– Фу! Это как кинзу потреблять.

– Сам ты фу. Не понимаешь ничего, как есть гамадрил. А что за кинза?

– Трава такая вонючая. Типа петрушки или укропа, только жрать это невозможно.

– Никогда не пробовал.

Поняв, что на конструктив наши мозги более не способны, мы вылезли из-под спального, и разговор плавно перекинулся на приправы, плесневые сыры, перетек в обсуждение литературы, музыки и визгейма. Через пару часов мы с сожалением расползлись по кроватям, предварительно уничтожив следы наших экзерсисов с тайнописью. И за прошедшее время нас никто не потревожил! Ни одна живая охранничья душа. Засыпал я с полной уверенностью в своей интуиции и странной природе Седьмого.

Глава 22. Многослойная дуальность

– Стажер Мартин Камински по вашему приказанию прибыл! – козырнул Март, заходя в кабинет. Он заложил руки за спину и стал в вольной стойке, слегка нарушив субординацию. Это мелочь, но Андервуд заметит. Ссориться напрямую с этим злым репейником Марту было не с руки, но маленько уколоть очень хотелось.

Пока Андервуд сверлил стажера взглядом, Март мельком огляделся – ни одной детали обстановки зловредный ревизор под себя не переделал, все оставалось с виду таким же, как и оставлял Честер перед уходом: все безделушки на полках, книги, методички, лишь груда распечаток и записок на столе сдвинута в сторону, и то, чтобы не мешать работать с планшетом или документами. Странно. Такие люди как Андервуд должны быть жуткими аккуратистами, вплоть до смахивания несуществующих пылинок с идеально чистого стола. И здесь не стоит обманываться выцветшими с возрастом до цвета яркого золота рыжими волосами, веснушками и веселыми морщинками в уголках глаз, что насквозь прожигали сейчас Марта холодным зеленым огнем, пробираясь в его мысли.

Минутное молчание прервалось.

– Расскажите о себе, – попросил ревизор.

Март насторожился и подобрался: он ожидал приказа, а получил пространный вопрос.

Эта постоянная кардинальная разница между внешностью и личностью, поведением ревизора и его поступками здорово смущала стажера. Он исподволь чувствовал неправильность, но мог определить лишь ее наличие, но не причину – так бывалый натуралист чувствует неладное в лишенном птичьего пения весеннем лесу. Только у Андервуда эта дуальность казалась еще и многослойной, словно каждая его черточка скрывала двойное, а то и тройное дно. Стажер посмотрел Андервуду глаза в глаза и с интонацией человека, желающего безмерно угождать вопрошающему, уточнил:

– Что именно? Формат «родился-учился-служил-женился»? Случаи из жизни? Распорядок дня?

– Это я и без вас знаю, – отмахнулся ревизор. – Расскажите об общении с первопроходцами. Как вписались в коллектив? Есть у вас вопросы, уточнения, пожелания?

– Нет, – поколебавшись, ответил Март. – Отличный коллектив, ребята юморные, мы с Ви вполне освоились. Или...

– Продолжайте, – заинтересовался ревизор легкой заминкой.

– ...или вы хотели спросить, какие о вас ходят слухи, что мои коллеги хотели бы предпринять, и что думают по поводу сегодняшнего письма? – спросил Март.

Юлить ему сегодня претило, и он решил сразу избрать тактику туповатой военной честности. Авань полковник поверит в его невысокие умственные способности.

Андервуд, слегка обескураженный прямоотой стажера, потер горбинку носа и перестроился.

– Хорошая попытка. Но учти, что я тебя вдоль и поперек изучил. Думаешь, я бы повелся на твой блеф?

Март скупо улыбнулся. Такой разговор ему нравился намного больше.

– Почему было не попробовать? Так как?

– А ты станешь работать на меня?

– Нет.

– А если подумать? – ревизор прищурился и улыбнулся. Морщинки в уголках глаз ожили, сделав лицо Андервуда совершенно иным, словно из полковника кто-то изгнал неведомым экзорцизмом бюрократическую язву, позволив обычному человеческому выглянуть наружу.

Март невольно улыбнулся в ответ.

– Нет.

– Давай договоримся, – предложил Андервуд. – Ты рассказываешь мне то, что сочтешь нужным и важным. Корпусу ты про мое предложение так и так расскажешь, это я про вас уже понял и буду учитывать. Впрочем, решение за тобой. А я...

– А вы? – подхватил встречную паузу Март.

– А я верну вам Честера.

Март секунду думал. Сделка выглядела честной, хотя и пахивала легким постмодернистским абсурдом. И неправильность из облика полковника волшебным образом пропала – похоже, что Андервуд очень искусно притворялся, прав был Честер. Впрочем, как оказывался прав почти всегда. Вспомнив его напутствие верить в своих коллег, в людей вокруг, в свои силы и мир, Март рискнул и протянул руку.

– Договорились.

– Если потребуется встреча, или будет что сказать, или что угодно в голову придет – присылай на смарт вызов с пометкой «Гриф», – принял рукопожатие Андервуд.

– Какой гриф? – не понял Март и пошутил: – «Совершенно секретно»?

– Зовут меня так. Гриф. В узких кругах. Свободен, – ревизор вновь перевоплотился в воплощение надменной высокомерности, и Март был вынужден ретироваться, уж больно недвусмысленно его вытурили.

Он не оборачивался, а потому не заметил, как полковник за его спиной устало ссутулился и принялся потирать ладонью лоб. Стажер неплох, да, и блефу быстро научится, это дело наживное. Вопрос только в том, успеет ли Гриф до того, как Март раскусит его игру, скинуть крапленые карты и заполнить банк-пустышку обещанным призом.

Вряд ли во всех семи – ну, теперь уже восьми – мирах бегают еще один убежденный идеалист, размахивая направо и налево верой в людей и сверкая бесконечной влюбленностью в Шестой мир в рыжих глазах с вертикальными зрачками. Словом, найти такого индивидуума, как Честер, раньше труда бы не составило, больно приметный. Если бы не растраженный с легкой руки самого Грифа образ героя-первопроходца со всеми его особенностями внешности. Теперь только ленивый фанат визгейма про отважных первопроходцев в черный не покрасился и кошачьи линзы себе не купил. Поди теперь настоящего отрой среди подражателей.

Полковник рассеянным взглядом посмотрел на дверь, вздрогнул и поморщился, сфокусировавшись на почти незаметном темно-бордовом отпечатке ладони на черной планке дверного проема. Если не знать, куда смотреть, можно и не заметить. Но Гриф отлично помнил, кто и когда оставил этот след – и его это раздражало и стыдило сейчас еще больше, чем в первый раз.

Берц практически шагнул в научный отдел вслед за Санниковым, но приостановился, заметив в коридоре незнакомую фигуру – молодой человек, совсем юноша, с интересом и легкой нервозностью озирался по сторонам. Первопроходец вспомнил: ах да, курсы подготовки при Корпусе проходили трое. Март с Ви справились в рекордные сроки, а теперь вот и третий до конца муштры дополз.

Берц кивнул ученому, мол, пару минут, и скомандовал:

– Стой!

Новоиспеченный стажер застыл на месте в напряженном состоянии: рука у правого бедра, ноги слегка согнуты, тело напряжено.

– Вольно. Как зовут?

– Дженк.

Стажер выпрямился, расслабил мышцы, обернулся и протянул руку. Берц ответил на рукопожатие, представился и присмотрелся к новичку: темноглазый, темноволосый, с живым любопытством во взоре, навскидку лет девятнадцати-двадцати, но подростковой угловатости уже лишился, а неплохой рост и размах в плечах, как и отточенную тренировками плавность движений, приобрел. Неплохо.

– Так в армии не готовят, – закончив осмотр, покачал головой Берц. – Выучку вижу, но система странная. Видимо, авторская. Кто-то из наемников?

Дженк было съжился (Берц слегка прищурился и взял на заметку – похоже, что мальчика несколько лет натаскивали методом «без тумака, как без пряника»), но быстро вернул мнимо уверенный прищур и разворот плеч обратно.

– Биолог.

– Эйн? Щитомордик? – изумился Берц. – Я не слышал, чтобы он брал учеников. Хотя я и видел его лет семь назад, и то один раз.

– Вы его знаете? А почему «Щитомордик»? И почему вы спрашиваете, про меня ж наверняка досье в пару гигабайт успели собрать, – забросал оперативника вопросами Дженк, и первопроходец удовлетворенно хмыкнул: Чез умеет подмечать кадры. Другой наглый вьюнош на месте Дженка поднял бы нос кверху и принялся задираться, отстаивая честь наставника-наемника и свой невеликий авторитет, этот – активно интересуется без капли предрассудков.

– Потому что я предпочитаю сначала знакомиться с человеком, потом – с архивом, чтобы впечатление себе раньше времени не портить и не искажать. А что касается Эйна... «Биолог» он для заказчиков и широкого круга заинтересованных только последние несколько лет, а до этого, пока он из шлема не вылезал и ядовитыми шуточками раскидывался в разные стороны, его только Щитомордиком и звали. Гадюка – она гадюка и есть, хоть в шлеме, хоть без, – ровным тоном пояснил Берц, не забывая, впрочем, наблюдать за стажером.

Дженк кивнул и с легкой обидой в голосе протянул:

– А мне ни слова не сказал...

Берц улыбнулся краешком рта: совсем юнец, и щеки надул так, что детсадовец бы позаивидовал.

– Я б тоже не сказал, репутацию беречь надо. Пошли.

– Куда?

Вместо ответа Берц приглашающим жестом развернул ладонь – и дверь справа от них приветственно открылась. Юноша несмело заглянул в святая святых Корпуса – научный отдел – и оттуда на него пахнуло припоем к микроплазменному паяльнику, резким химическим запахом с примесью аромата смолы пихты и свежестью накрахмаленных белых халатов.

– А у вас все еще канадский бальзам используют? – тут же спросил Дженк. – А почему не метакарн?

Из-за погребенного под бумагами и голограммами стола резво вынырнул Санников, и Берц подивился прыти маленького ученого с поистине гигантским энтузиазмом. Сколько первопроходец с Дженком знакомился? От силы пару минут, а Лекс уже успел и в науку обратно закопаться, и выскочить оттуда табакерочным чертиком.

– Потому что кремнийуглеродные организмы на обычные фиксаторы почти не реагируют, а вот на терпентины вполне. Откуда такие познания, юный радивый ум? Позвольте представиться, Александр Николаевич, координатор от Всемирной ассоциации наук, – Санников энергично потряс стажера за руку и белоснежной бабочкой скользнул за стол обратно, тут же схватившись за брошенный было блокнот, в котором только что делал заметки по старинке, вручную. – Мне кажется, или я вас раньше среди досточтимых первопроходцев не видел?

Дженк застыл на месте, с обожанием глядя на Санникова во все глаза и опасаясь лишней раз пошевелиться, пока Берц ладонью под лопатки осторожно не подпихнул стажера вперед.

– Я новенький. Стажер. У меня по биологии был очень хороший учитель, – смутился Дженк и шагнул ближе к столу, бегло обернувшись и уловив краем глаза одобрителный кивок Берца.

– Заметно, молодой человек, заметно, – с довольным блеском в глазах отметил Санников, оторвавшись от блокнота. – Подскажите, кто?

– Биолог.

– Да понятно, что не химик, – мотнул головой Лекс.

Берц понимающе хмыкнул, а Дженк, смутившись еще больше, поправился:

– Кир... Кирк Сергеевич.

– Эйн? – изумился Санников, бросив блокнот с заметками на край стола.

– А вы его откуда знаете? – в один голос поинтересовались и Берц, и Дженк.

– Уникальный специалист! Еще бы мне его не знать, с таким уровнем достоверности описывать повадки динофауны Третьего... Криптозоолог, знаете, ли, археоптерикс редкого полета, а чтоб еще и в школе преподавал, заражая неокрепшие умы интересом к науке... Наподобие вашего, надо полагать, – улыбнулся ученый стажеру. – Но я Кира еще по Межпланетке помню, я тогда только в аспирантуру поступил, и мне на полставки дистанционников с первых трех колоний дали. Эйн меня поразил тремя вещами: тягой к знаниям, любовью поспать и недоверием к людям. Скольких трудов мне стоило хотя бы слово помимо дела из него вытащить! Практически клещами вынимал. Я тогда думал, что важен индивидуальный подход, знаете, разговор по душам, коммуникационный контакт... Потом меня от сего педагогического порыва преподавательские будни отучили, но первые ученики всегда запоминаются лучше всего, да у нас и разница в возрасте была лет пять от силы, считай, ровесники. Потом я про него забыл, а как несколько лет назад статьи пошли в детских научно-популярных изданиях – вспомнил. А что?

– Разносторонняя личность, – качнул головой Берц, подошел, поправил блокнот, норовивший соскользнуть на пол, кинул взгляд на содержимое и спросил: – Разрешите?

– Конечно, – махнул рукой Санников.

– Что это? – спросил первопроходец, присмотревшись к наброску в блокноте.

– Это как раз та проблема, которую нам с вами предстоит решить, – посерьезнел ученый. – Как видите, Роман Витальевич... э-э-э... Берц, да? Так вот. Дражайший вы мой первопроходец, вы готовы спасти колонию снова? Ввиду того, что Честера и Тайвина мы временно лишены, кроме вас организовать сие действие больше некому.

Спустя полчаса озадаченный до крайности Берц и чуть не подпрыгивающий от поставленной перед ними задачи Дженк вернулись в оперативный отдел. Дверь в кабинет Честера открылась, и оттуда вышел Март в состоянии столь же крайней озадаченности. Берц прищурился и объявил:

– Корпус! На улицу. Надо поговорить.

Оперативники кинули взгляд на Марта, на шаркнувшую за ним дверь, на Берца и новое для них лицо стажера, и потянулись к выходу. Оказавшись на свежем воздухе, оперативный отдел в полном составе уставился на Берца в немом вопросе.

Временный заместитель глубоко вдохнул и принялся рассказывать.

– Во-первых, знакомьтесь, наш третий стажер, Дженк. Али, принимай.

– А почему я? – заныл было Али, но под недоуменными взглядами коллег замолчал, вспомнил и кивнул. Именно ему Чез велел третьим стажером заниматься – и, видимо, точно знал, кому и почему надо новичка поручить. И не Али с распоряжением руководителя оперативного отдела спорить, пусть Чез и отстранен пока от должности.

– Дженк не нулевой, его обучал один из наемников, тебе будет интересно поработать, – Берц слегка кивнул Али в ответ, удостоверившись, что тот текущую рабочую проблему принял.

– Кто? – встрял Вик.

Берц хмыкнул – Вик не мог не вспомнить бытность свою по молодости в рядах вольных воинов.

– Биолог. – Глядя на недоумевающего Вика, Дженк поправился: – Может, вы его знали как Щитомордика, если давно тут работаете.

– Эйн? – изумился Вик. – Однако... Я бы и сам тебя на поруки взял. Но Чезу виднее.

– Да откуда вы тут все Кира знаете? – не выдержал Дженк, не забывая разглядывать первопроходцев.

Берц выглядел классическим воякой – короткий ежик каштановых волос, уверенная твердость голоса и фигуры, воспитанное опытом спокойствие серых глаз. Али, его будущий наставник, щеголял потрясающим орлиным профилем с легкой горбинкой носа и специфическим южномосковским акцентом, а сухопарый Вик сразу поразил воображение стажера шевелюрой кислотно-оранжевого оттенка с хамелеоновыми кончиками прядей.

– Такую потрясающую историю и личность стыдно не знать, – с наставительной интонацией произнес Вик. – Вот сам посуди, если бы ты был на месте наемника, куда тебя, думаю, вторая ипостась Эйна и не пустила, ты бы прохлопал байку о том, как из-за частичного отключения памяти наемник учителем биологии заделался?

– Нет, – улыбнулся Дженк. – Но там, скорее, наоборот вышло.

– Тем более. Вот поэтому среди наемников все в курсе, включая тех, кто уже не у дел, как я.

– Я не наемница, и я не в курсе, а мне интересно, – подала голос черноволосая зеленоглазая брюнетка. Ее за талию обнимал высокий блондин с мраморной кожей, белесыми волосами, ресницами и бровями, и странным фиолетовым оттенком глаз.

– Я тебе потом расскажу, Ви, – пообещал Вик. – Это шедевральное. Красный, ты оценишь.

Блондин поднял левую бровь высоко вверх.

– Да? Договорились.

На этом слове широкоплечий брюнет, стоящий рядом с Ви и Красным, вздрогнул и опустил глаза. Лocus внимания первопроходцев сместился на него, и Берц спросил:

– Март, чего от тебя эта сволота хотела?

Март пристыженно обернулся в сторону офиса и украдкой посмотрел вверх: там, в окне кабинета Честера на третьем этаже, маячила грозная фигура Андервуда, а тут, внизу, на служебной стоянке рядом с флаерами, на него с интересом и без враждебности смотрели пятнадцать оперативников во главе с задавшим вопрос Берцем, и новичок-стажер. И Ви, его боевая подруга по астродесанту, улыбалась, уютно прильнув под руку к Красному.

Марту стало жутко неуютно и как-то стыдно, хотя, по-хорошему, он пока ничего предосудительного не сделал.

– Он хочет, чтобы я к нему с докладами бегал, – секунду поколебавшись, признался Март и поделился впечатлениями от разговора с ревизором: – Я решил согласиться. Мне кажется, он какую-то не то двойную, не то тройную игру ведет. Не такая он гнида, какой прикидывается.

Берц хитро прищурился и постановил:

– В принципе, я так и думал. Вот и давайте-ка мы ему устроим... тройничок.

Оперативники хихикнули, а Роман продолжил:

– Март, не пугайся. Ребят, давайте вокруг него кружок сделаем, вроде как мы его сейчас допрашивать будем.

Бойцы рассыпались, а Март поежился, оказавшись в центре внимания и круга. Берц выступил к нему и принял показательную позу классического задиры – подбородок вверх, руки на груди, одна нога вперед, пусть Андервуд понервничает, но то, что он при этом сказал, Март осмысливал с минуту, прежде чем до него окончательно дошло:

– Март, если ты готов, я могу тебе такой вариант предложить. Ты пару раз сходишь к этому стервятнику со сведениями, ничего не утаивай, говори, как есть. Мы в ответ устраиваем

тебе показательный бойкот как элементу нежелательному. Ты на этом фоне пристраиваешься к ревизору и потом нам рассказываешь, что он затеял. Честера с ученым надо искать, ясно, что пропали. Стажировка – это чушь собачья для отвода глаз. Мы предполагаем, кто их стибрил. А вот куда и зачем... Но пока давайте все сделаем вид, что поверили, потому что времени препираться с Андервудом у нас нет, так что кем бы он ни был, надо его побыстрее из Корпуса выдавить и договариваться с «Авангардом» и полицией о поисках. Март, потянешь?

Март, прикинувший на себя роль двойного, а то и тройного агента, просиял и кивнул:

– Да. Мне нравится.

– Хорошо, тогда все наши разговоры, кроме, понятно, этого, передашь Андервуду, и какой-нибудь один секретно подслушанный, чтобы было за что тебя прищучить. Это мы устроим. А если что интересное нароешь, сделай вид, что ты теперь в стане врага, и поддень меня или вон Красного, прицепиться можно всегда и к чему угодно. Мы тебе руку завернем и отведем в спортзал или на улицу. Там и расскажешь, что узнал, а спарринг вполсилы еще никому не повредил.

Март все больше проникался ответственной ролью и чувствовал по спине топот предкушающих мурашек. До чего же здорово, что он согласился пару месяцев назад на предложение рыжеглазого! Никогда еще его жизнь не была столь насыщено-интересной, и приложить свои усилия к миссии по спасению пропавшего начальства он был готов на все сто, а потому уверенно кивнул в ответ. Берц расслабился, разомкнул руки и хлопнул Марта по плечу:

– Вот и договорились. Спасибо, Март. А теперь давайте уже обсудим важное.

Стажер только серьезно кивнул еще раз и приготовился слушать.

Глава 23. Депривация сна

То, что мне снилось, не поддавалось никакому вменяемому объяснению. Я привык к миру своих снов – в них частенько я то становился свидетелем апокалипсиса, то наоборот, выступал в роли работника какой-то жутко секретной околوماгической организации, призванной мир спасти, а не угробить, кошмары случались, эротика иногда пробегала. В целом я на сны не жаловался никогда.

Но сейчас я последовательно по верхам, но довольно детально просмотрел свою насыщенную событиями жизнь, переживая заново спектр эмоций, когда приятных, вплоть до пароксизмов довольства, когда не очень, особенно последний эпизод с моим увольнением, и даже во сне мне стало понятно – что-то не так. Я сквозь сон пытался мысленно ухватить за бесцеремонные щупальца того, кто шарил в моей памяти и чувствах, но тот неизменно ускользал, пока, наконец, я не сосредоточился целиком и полностью на ощущении полнейшей безнадеги – самой сильной из испытанных за последнее время эмоций.

Я попытался как-то сконцентрировать чувство и шарахнуть им в непрошенного гостя. Ответом мне стало бесконечное удивление и осторожный интерес, и чужеродные «щупы», которые я стал ощущать отдельно от своих собственных эмоций, из бредового сна и заодно сознания испарились. Почти сразу кто-то принялся трясти меня за плечо. Кто бы это мог быть.

Я проморгался, пытаюсь понять, что от меня хочет ученый, и протер глаза кулаками. Кожа лица была влажной – похоже, я во сне все-таки расплакался. Тайвин выглядел встревоженным и хмурым, а я старался запомнить ускользающую вместе со сном чужеродность, чтобы точно не пропустить и не упустить в следующий раз. Почему-то сомнений в том, что этот следующий раз будет у меня не было никаких.

– С тобой все в порядке? Ты то смеялся, то плакал во сне...

– Нет. – я тяжело посмотрел на него. – Не в порядке. Все не в порядке. Пойду-ка я в душ. Там наши завтраки на ножках еще не приходили?

Еду нам приносили строго по расписанию, но часов у нас не было, так что отсчитывать время мы могли только по этим стабильным обеспечениям полуфабрикатами, да по включению или отключению света.

– Нет еще. Да и свет еще не включили.

– А, да? Точно, – я вдруг понял, что вокруг царит привычный полумрак, разгоняемый только маленьким галогенным ночником на стене над тумбочкой. Клянусь своими кошачьими зрачками, только что вокруг было светло, будто... будто вокруг был день. Или утро. Естественный свет, но с каким-то сюрреалистическим совершенно оттенком. Это, получается, восприятие в обе стороны работает?

Я окончательно запутался и, ни слова не говоря, ушел мыться. Вернулся я в еще более мрачном расположении духа, привычный утренний ритуал ни на йоту не прибавил мне настроения. Тайвин так и сидел на койке напротив, встрепанный, серьезный и молчаливый.

– Рассказывай.

– Да что рассказывать, – я попытался сконцентрировать испытанные эмоции в приемлемую словесную форму, и не смог. – Сон приснился... странный. Очень странный.

– Сюжет помнишь? – казалось, ученого действительно интересовало, что я такого мог во сне увидеть, что ему пришлось впервые за недельное пребывание здесь применить ко мне пробуждающую силу.

– Лучше бы не помнил, – слегка огрызнулся я и покаянно вздохнул. – Прости. Сейчас я с мыслями соберусь и расскажу.

Я нахмурился, пытаюсь сформулировать для Тайвина внятное объяснение своим подозрениям.

– Вот смотри. Почему мы закрыли доступ в этот мир?

Ученый мимолетным движением потер указательным пальцем правый висок – значит, что-то его тоже смущает в раскладе с Седьмым.

– Потому что алкалоидные производные псилоцина в воздухе в такой концентрации, что нормальный человек через пару часов просто впадет в галлюцинаторную кому.

Я продолжил допытываться.

– И мы, значит, продефилировали по орбите, подумали о смысле жизни и улетели, закрыв планету как непригодную для жизни?

– Как-то так, да. – Тайвин начал включаться в цепочку рассуждений.

– А почему, скажи пожалуйста, мы не могли высадиться в полной защите? Наниты твои перепрограммировать, чтобы воздух фильтровали? Я же слетал – и ничего.

– Я... я не знаю. Логичным казалось не пинать дохлого лося, то есть не тратить время и силы на заведомо неперспективный мир.

– И в отчете мы обосновали закрытие Седьмого отсутствием надобности в его изучении. Так?

– Так.

– То есть моя вылазка твоего мнения не изменила.

– Нет.

– Почему? Я же не подох, и следов наркотиков не было в крови.

– Зато в воздухе во флаере были. И вел ты себя на редкость неадекватно, даже для тебя. Я попробовал зайти с другой стороны.

– А с Шестым как было? Мы уже на готовую базу прибыли, зачем нужна была вся эта масштабная программа подготовки, если и без нас обходились как-то?

Тайвин задумался, пощелкал пальцами и коротко пояснил:

– Было так же. Ну, почти так же. Несколько групп астродесантников посменно и круглосуточно отстреливали все движущееся, пока строители боялись и строили. А потом военным надоело терять людей, и десантуру отозвали за небольшим исключением, а мы не могли носа сунуть за забор. Помнишь, инфразвуком пользовались, и тот сбиол периодически, пока я нанопротекторный купол дорабатывал. Дронов было не напасть, они если автоматические – опасность не дифференцируют, а с управлением через визор – человек вовремя не реагирует. К тому же каждый дрон – это тонкая и дорогая техника. Люди – дешевле, эргономичнее и эффективнее.

Я посмотрел на него с некоторым удивлением, поражаясь его простодушной прямооте.

– Серьезно? То есть мы стали просто более дешевой заменой роботам и десантуре?

Тайвин обозначил на тонких губах улыбку.

– Нет. Ты вспомни, в первый же выход ты принес мне столько образцов, что за предыдущие три месяца ни один дрон не перетаскал. И при этом остался жив и невредим. А потом ваша – и наша, конечно – работа смогла позволить человеку на Шестом не просто выживать, а жить и процветать. Так что вы, дорогой мой, не замена техники или десанту, а полноправный флагман первопроходческой миссии.

– Так. То есть мы, получается...

– Первопроходцы.

– И что из этого следует?

– Что вы должны детально изучать миры.

– И почему не стали этого делать на Седьмом? И не говори мне про наркотики. Пленка твоя нанотехнологичная вполне способна, мне кажется, такое вещество отсечь. И даже просто тяжелая броня... Ладно, – я перестал мучить друга вопросами и выдал конечную мысль. –

Не в психоактивных веществах тут дело, зуб даю. Не помешала же полная планета наркоты и наш запрет делягам из «Апостола» не только высадиться тут, но и понастроить всего по чуть-чуть. И снова большой вопрос, откуда у них координаты Седьмого. Но это оставим. Само строительство, это же не день и не два, и вроде никто в коме не валяется. Вот ты чувствуешь нарушения в работе сознания?

Тайвин прислушался к себе, чуть склонив голову набок, отчего стал похож на диковинную очкастую птицу.

– Вроде нет.

– А это значит, что либо у них отличная система фильтрации воздуха и свой гениальный чудик в очках, который нашел то, что не нашли твои гамадрилы, либо... Сам подумай: твоя разработка давно попала на черный рынок, и если именно ей тут пользуются, то и мы могли ею же воспользоваться. Но не стали. Почему? Если принцип фильтрации воздуха другой, и у них своя лаборатория и свои ученые – нафига было тебя вместе со мной похищать? Если ты не чувствуешь перебоев в работе мозга – и я, кстати, ничего такого не чувствую, то почему все вокруг ведут себя как идиоты?

– А действительно, – озадачился ученый. – Почему я сразу отказался от повторной высадки, можно же было на данные с проб воздуха фильтры ориентировать?

– А я говорил! – позлорадствовал я.

– Неубедительно, значит, говорил, – поморщился гений.

– И это мы были на орбите. С герметично запакованными пробами, которые ты изучал без соприкосновения с воздухом шаттла. Выборочно и через космос наркота не действует. И сон этот... Знаешь, что мне снилось? Моя жизнь. Коротенько так, но с акцентами на самых интересных местах. Значит, что более вероятно, мы имеем дело не с чем-то, а с кем-то. И этот кто-то, скорее всего, разумный, и может как-то воздействовать на наше восприятие. Но я совершенно не понимаю в чем его цель.

Тайвин посмотрел на меня долгим и странным взглядом. Я в ответ вопросительно уставился на него. Наконец, почти через минуту, он отмер:

– Знаешь, что. Будь на твоём месте кто-то другой, я бы только пальцем у виска покрутил. Или по лбу постучал, вдруг есть кто дома. Или поверил бы в версию с производными псилоцина. Но некое рациональное зерно в твоей примитивной пародии на декартову логику имеется.

Я немедленно обиделся.

– Не всем же быть гигантами мысли. Что есть, тем и думаю.

– Дорогой друг, гений тут – я. Смирись. – заявил Тайвин, поправив очки.

Я приснул – ну вот и как на него обижаться?

Неделя детального изучения природы Седьмого доказала мне, что я не знаю о биологии и о мифологии примерно ничего. Эта планета не поддавалась ни воспетой моим очкастым другом декартовой логике, ни классическому научному рационализму, ни моему хитро вывернутому способу познания мира – через интуицию и любопытство, ни аналогии с мифами ацтеков, хотя на Шестом сравнение с греческим бестиарием прокатывало только так и здорово помогало Корпусу в работе. Я никак не мог выявить элементарных пищевых цепей, казалось, что вся система продуцентов, консументов и редуцентов попросту сошла с ума, потому что одни и те же твари, и все как одна – исключительно дикой расцветки – вели себя по-разному в разное время суток и в разных условиях.

Отчаявшись понять, кого может потреблять местная кровожадная теплокровная кошара, в непомерных количествах населявшая здешние болота, я с досадой и легким оттенком паники наблюдал, как два роя зависают друг напротив друга, а потом идут стенка на стенку. Или второй рой улетает восвояси. Или внутри первого начинаются планомерные акты канни-

бализма. От чего это зависит? Где тут хоть намек на стройность миропорядка, к которой мы все привыкли?

Да что уж там. Я бы и не понял, что мошкара теплокровная, если бы Тайвину экземпляр в банке с дурно пахнувшей жидкостью не принесли. Штатный гений подождал, пока охрана вместе с лаборантом, что насекомое принес, уберется из нашей просторной тюрьмы, и принялся шипеть отборные ругательства. Что раствор формалина для консервации образцов не применяют уже полвека как, что наверняка ткани уже потеряли эластичность, так что вскрыть и детально понять, с чем мы имеем дело, будет очень затруднительно, что лучше бы использовали спирт, он хотя бы менее пахуч и ядовит, что нечего из нанокрибернетика делать затычку по всем направлениям, что он им, химик или ксенозоолог, что...

Мне быстро надоело, и я снова засел за обработку записей. Интересно, как они умудрились их заполучить, если нам не удалось дроны и до середины тропосферы довести? И я сильно сомневался, что на поверхности, с таким-то обилием жизненных форм, судьба техники была принципиально иной. От размышлений меня оторвал Тайвин, с хмурым видом сообщив:

– Ты когда-нибудь мог предположить, что насекомое может быть гомойотермным?

– Каким? – переспросил я. Термин показался мне смутно знакомым.

– Теплокровным. Смотри, – он развернул проекцию продольного среза тела животного. – Размер небольшой, три-пять сантиметров в длину, строение тела аналогично банальной мошке, но у нее развит мозг, сложная нервная система и разветвленная кровеносная. И ротовой аппарат колюще-сосущий. Ты представляешь, сколько одна-единственная мошка должна потреблять энергии, чтобы обеспечивать стабильный метаболизм и поддержание эндогенной температуры?

– Нет. Но теперь уже примерно да. А, так вот почему они сами себя жрут периодически, – понял я. – Не хватает калорий, иначе с голоду можно сдохнуть быстрее, чем найдешь, у кого крови насосаться.

– Чтобы выжить, она должна добывать себе еды по своему весу в сутки минимум, как землеройка или колибри, а чтобы нормально жить – в несколько раз больше. А ты видел хотя бы одно животное на записях крупнее собаки?

– Нет, не видел, – признал я. – А как так?

– Либо мы чего-то не знаем о здешней природе, либо ты прав. Кто-то водит нас всех за нос, – с недовольством произнес штатный гений.

Я не стал заострять внимание на своей потенциальной правоте – вопрос возможного присутствия иного разума меня интересовал намного больше. А иначе как объяснить все нестыковки?

К вечеру у меня от вороха мыслей и непрерывного просмотра записей разболелась голова, и тут же, по закону подлости (или Мерфи, кому как больше нравится), на нашем пороге возник Алан. Я сумрачно глянул на него и поинтересовался с порога, демонстративно не поздоровавшись:

– А как вы добыли записи?

Алан слегка пожал плечами, и у меня в душе вновь всколыхнулась старая неприязнь. Помнится, в прошлый наш с ним нелегкий опыт взаимодействий этот жест я в первую очередь в промышленнике и возненавидел.

– Очевидно, с помощью дронов? – без тени усмешки ответил он вопросом на вопрос.

Я едва зубами не заскрежетал: издевается, зараза невозмутимая.

– Вы не поняли. Когда Корпус совместно с Ассоциацией наук отправили слегка куснуть Седьмой за бочок, двухнедельного запаса дронов мы лишились... Напомните мне, Тайвин?

– За стандартных шесть дней по общемировому времени. За пять с половиной, если точнее, – немедленно отозвался ученый. Он приветствовать Алана не стал, но я заметил, как

вокруг гения сгустилась напряженная нервозность. Хоть он и не рвался участвовать в разговоре, но работу бросил, прислушиваясь к нам.

– Во-о-от, – протянул я, склонив голову и выразительно глядя на Алана. – А вы мне доказываете, что беспрепятственно получаете сведения о живой природе этого мира с помощью техники. Или у вас ее неограниченный запас, или...

– Что «или»? – с небольшим раздражением спросил Алан, когда я замолчал.

– А вам не приходило в голову, что вы как-то слишком легко высадились, понастроили тут всего, дронов запустили. Вы наверняка видели наш отчет. В воздухе тут полно психоактивных веществ, микроорганизмы не изучены, обычная флора и фауна тоже. Сколько людей вы потеряли?

Алан выглядел сильно удивленным, у него и выражение лица изменилось, когда брови сами съехались к переносице в одну очень хмурую и озадаченную морщинку.

– Двоих или троих, и скорее по глупости, чем от внешних факторов. Вы полагаете...

Я насторожился и подался чуть вперед, когда снова почувствовал что-то настолько отличное от нас троих, что меня передернуло. Чуждое, и в то же время влитое в окружающий воздух как капельки воды и запахов, что создают неповторимый флер любого города, поля, леса, горы или озера, на любой планете, в каждом их уголке. Что-то пронизывающее пространство, что можно почти потрогать, но неосязаемое, невидимое. Оно заполнило комнату, душу, вытеснило мысли, оставив только смутные ощущения. Очень знакомые на вкус, если б можно было так сказать. Впрочем, для Тайвина и Алана, застывших на мгновение, ничего не изменилось – я точно это понимал – но я почти видел, как точечными микроскопическими мазками меняется спектр мимики на их лицах. И не по их воле. А вот меня чужеродные эмоциональные шупы на этот раз обошли стороной, мое личное пространство никто не нарушал, и я был в этом уверен, как никогда раньше.

Алан хмыкнул, тряхнул головой и высказался:

– Просто вам не повезло. Ваша экспедиция пришлась на период цветения одного из здешних растений. Мои... м-м-м... эксперты, скажем так, пока не дали ему названия, но просветили, что его пыльца обладает психотропным воздействием. И гон у когтистых бабочек – тоже в это время. Или как там это называется. А потом на несколько месяцев затишье, им и воспользовались.

Нас покорило. Меня – от полного невнимания к биологической подоплеке ситуации и очевидному идиотизму объяснения, Тайвина – от того же, вкупе с пренебрежительным отношением к коллегам, пусть и исследующим мир не совсем на законных основаниях. Обычное слово в устах Алана превратилось в изысканную насмешку и взбесило гения – он побледнел, и у него начали разгораться алые пятна на скулах, верный признак надвигающегося ядовитого шторма.

Я склонил голову еще чуть набок, стараясь поймать ускользающее другое сознание: это потребовало высшего уровня сосредоточенности и полного отсутствия мыслей. Внезапно в голове у меня возникла картинка решения проблемы, и я робко отправил ее в сторону чуждого невидимки. В следующее мгновение мне словно вскрыли мозг и перебрали задумку по косточкам, но бережно, аккуратно, и только в той области, которую я сам захотел предоставить. Все мое естество заполнил длинный низкий одобряющий гул, неслышимый, неосязаемый, но я был уверен, что все понял правильно.

Я сделал вид, что поверил Алану и спросил, переключая его внимание:

– А у вас планетоходы на виртуалке есть?

– Две штуки, – нехотя признался промышленник.

– Дайте мне один. Я ведь никуда не убегу, а вирт можете подключать уже за воротами своей крепости, или что вы тут возвели, чтоб я лишнего не увидел. Так пользы будет больше. Только брони навесьте побольше на всякий случай.

Алан изучающе на меня посмотрел, но в его нечитаемом взоре я уже видел призрак согласия. Вряд ли тут умели хорошо обращаться со столь специфичной техникой, а у меня и навык есть, и опыт первопроходца, и промышленник это понимал.

– Я подумая, – процедил он и ушел.

Тайвин повернулся ко мне и спросил:

– Ты что задумал?

Я молчал и улыбался: рассказывать ему про свои ощущения я пока не хотел, нужно удостовериться сначала, что я с ума не сошел, а то мало ли, что еще тут может цвести. И я, кажется, начинал понимать, почему рои мошкары так себя ведут – но мне требовался эксперимент. А как получу факты – можно с ними и к штатному гению на поклон пойти.

– Ладно, можешь не говорить, только уровень погружения больше пятидесяти процентов не ставь, – проворчал мой очкастый друг, пронзив меня тонкой длинной иглой внимательного и очень подозревающего неладное взгляда. – Мозг человека, конечно, не в состоянии сам себе ампутировать руку или ногу, но случаи нейродермита, фантомных болей и отравления на пустом месте у операторов планетоходов на Шестом встречались.

– Восемьдесят, – принялся торговаться я.

– Пятьдесят пять, и ни процентом больше, – припечатал ученый.

– Семьдесят девять?

– Пятьдесят шесть, и это мое последнее предложение.

В итоге мы сошлись на шестидесяти трех с четвертью. Все случаи, которые мне перечислил Тайвин, начинались от шестидесятипятипроцентной реальности для оператора, и поставить более высокий порог в его присутствии я не мог, на чем и порешили.

Когда на следующий день у нас в узилище, как я его обозвал, появился комплект оборудования для оператора планетохода, я не стал ни благодарить охранников, что его принесли, ни уточнять время работы. Как понадобится – увижу, само засветится. Через пару часов так и произошло.

Тайвин с неприступным видом проследил, чтобы я ни на йоту не превысил договоренную степень присутствия в виртуальной реальности, и с достоинством кивнул. Я не стал точить лясы – и нырнул в сине-сиреневое многоцветье Седьмого.

А когда через пару часов вынырнул, то понял – я был прав. Все здешнее зверье и половина растительности общается странным образом, вкус которого я только-только начинал распознавать на осознанном уровне. И, попробовав зависнуть, притворившись деревом, рядом с враждебно настроенными друг к другу роями мошкары, я этот постулат для себя подтвердил: менее волевой рой, не выдержавший коллективного эмоционального давления со стороны другого, был разобцен и сожран. А в тех случаях, где воли и наглости хватило обоим роям с избытком – схарчили самых эмоционально неустойчивых с двух сторон.

Как только я понял принцип, дело пошло семимильными шагами. Разве что приходилось иногда уворачиваться от чрезмерно раздражительных деревьев, коим не нравилась моя виртуальная мимикрия под бревна, и крупных плотоядных растений наподобие росянки. Этим категорически не нравились запах и вкус планетохода. Задумываться над тем, как это все может работать, если я не лично присутствую, а только виртуально, и то в погружении чуть больше, чем наполовину, я пока не стал – а то и без того примитивная моя пародия на логику поломается, а мне этого не надо было, критическое мышление всегда пригодится.

Глава 24. Пространственная дезориентация

Бывает, что у твоего руководителя случаются не самые лучшие в его жизни дни. Встал не с той ноги, настроение не то, кофе убежал, яичница пригорела, да мало ли.

Первопроходцы плохое настроение у Честера настропалились видеть практически сразу, с первых его реплик: рыжеглазый обычно здоровался с оперативным отделом с неизменной полуулыбкой и утренней воодушевленностью. Не поздоровался, буркнул что-то невразумительное и исчез в кабинете – все просто. Не беси начальство, делай свою работу безупречно, глядишь, через пару часов проблема исчезнет сама собой. А если не исчезнет – есть Берц и Тайвин, они умеют беспокойному коллективному питомцу всея оперативного отдела возвращать душевное равновесие на место.

Но исчезновение обоих руководителей сразу показало страшную правду рабочих будней большинства людей: очень сложно жить, если после хорошего руководителя попасть к начальнику. Первыми горький плод коварных козней от ревизора и мироздания вкусили оперативники, следом за ними причастился и научный отдел.

Поутру, забрав с собой Дженка, Санникова, Али, Вика и великолепную пятерку – спящую микрогруппу первопроходцев, вышедших из военных кругов – Берц покинул пределы колонии и защитного купола. Надо было проверить предположение Лекса – угрожает ли поселению новая опасность.

Но свято место пусто не бывает – и если покомандовать оперативниками вместо Чеза был горазд Андервуд, то ученые без Тайвина могли организовать и сами, им указок, чем заняться, не требовалось, и без того дел по уши и еще немного сверху. Но закон Мерфи – все, что может пойти не так, именно не так и пойдет – неумолимая, в сущности, штука, работающая везде и всюду. И он, разумеется, не замедлил проявить себя во всей красе.

К полудню ровно посередине научного отдела возник некий нетипичный для Корпуса субъект. Зычным баском мужик, больше похожий на одетого по недосмотру в дорогой костюм-тройку фермера, не удосужившись и поздороваться, безапелляционно заявил:

– Я наведу у вас порядок.

Ученые Корпуса в полном составе в недоумении остановились, кто где стоял, а Гайяна, старший научный сотрудник, вторая по величине звезда их отдела и очень амбициозный по духу и букве науки человек, уперла руки в бока и не менее ответственным тоном парировала:

– А что вас заставляет думать, что порядка у нас не присутствует?

– Отсутствие Тайвина и Санникова, – высокомерно произнес новоприбывший. – Зовут меня...

– Ветров Николай Николаевич, – хором проскандировали трое из девяти сотрудников научного отдела.

Ветров зло прищурился и прокомментировал:

– А с вами у меня будет отдельный разговор.

– Пока Тайвин и Александр Николаевич отсутствуют, я тут ИО завлабораторией, – выступила вперед Гайяна и злобно прищурилась. – Так что, если хотите с кем-то отдельно поговорить – сначала поговорите со мной. И вообще, кто вам сказал, что у нас сегодня начальства в отделе нет?

Ветров слегка опешил. Отпор получать он не привык и оказался порядком обескуражен. Но быстро вернул себе высокомерный вид, поддернул края рукавов – так, чтобы стало видно край шелковой рубашки и платиновые запонки – и надменно пояснил:

– Вернер.

– Не может быть, – хором постановила троица ученых, Нил, Кевин и Михаил, уже имевшие с Ветровым дело раньше. Гайяна только кудряшками тряхнула возмущенно.

– Может, не сам лично, – плотоядно осклабился незванный гость, – но подпись его.

Ветров развернул документ, где на голограмме черным по оранжевому светились имена и должности: Тайвин Дин, руководитель научного отдела Корпуса первопроходцев. Замещающий в случае отсутствия: Санников Александр Николаевич, координатор от Всемирной ассоциации наук. Замещающий в случае отсутствия: Ветров Николай Николаевич, доктор естественных наук, профессор, завкафедрой биологии и ксенозологии Межпланетарного университета. Списочный состав научного отдела: старший научный сотрудник Гайяна фон Иммельштайн... В конце документа светился папиллярный узор большого пальца правой руки Вернера. Его знал наизусть каждый в Корпусе, сколько раз уже эту завитушку, уходящую вправо, видели.

Гайяна скрипнула зубами, но промолчала – парировать было нечем.

Оказавшись в поле, великолепная пятерка мгновенно взяла Санникова в кольцо, и тот широко улыбнулся. Не в первый раз вместе работали, привык, а порой и скучал по полевой работе – все-таки должность координатора от Всемирной ассоциации наук не подразумевает возможности просто так взять, и самолично выпрыгнуть в небезопасные луга за защитным куполом. А порой так хочется!

– Как там, кстати, мои старые знакомцы в научном отделе поживают? – поинтересовался ученый. – Мы с Кевином, Нилом и Михаилом еще до начала освоения Шестого под началом Тайвина вместе над прототипом защитного купола работали, что-то порядка полугода, если мне память не изменяет...

– Мы научный отдел ни в коем случае ничем не обижаем, – степенно ответил Берц из своей боевой пятерки, медленно кружившей рядом вокруг стажера, не забывая, впрочем, оглядывать окрестности.

Шестой шумел вокруг них изумрудным лугом, переглядывался с людьми мириадами соцветий луговых цветов, дробил лучи голубой звезды на драгоценные отблески, разбегавшиеся друг от друга в сложной фрактальной симметрии по коре невысоких хрупких деревьев. Полупрозрачные стебельки травы сливались в хрустальную невесомую дымку, над которой стоял серебряный перезвон: проказливый ветер сталкивал их между собой, наигрывая увертюру к полуденной жаре.

Внимание оперативников привлекла кучка инсектоидов, тесно слепленных в единый жужжащий на низких обортонах ком. Казалось, провода сплели в inferнальный клубок примерно с полметра в диаметре, и подали на них высоковольтное напряжение.

Шар ощерился усиками, встопорщенными надкрыльями, гибкими брюшками и вызывающей асимметрией. Торообразное тело у самочек, с дырой посередине, неравномерно утолщенное в семи разных местах, дополняли девять цепких лапок и пять пластин темно-зеленых надкрыльев, между которым природа хаотично разбросала фасетки девятнадцати глаз.

Зачем столько, и почему вообще в мире, где жизнь предпочитает несколько точек симметрии, желательна с радиальной логикой, такая экстравагантность, и чем она биологически обусловлена, ученые не знали. Впрочем, одна тайна кремнийорганического мироздания, похоже, раскрывалась прямо у них на глазах: крупные цилиндрические самцы вызывающе сверкали лакированной сине-черной окраской с едва намечившимися у них на семи надкрыльях красными точками, и стремились сквозь самочек пролезть. Прямо сквозь дырку в этом насекомом бублике. Шевеля всеми тремя брюшками. На минутку застредали, вылезали с другой стороны и начинали заново, словно заранее репетировали брачный танец. Выглядел процесс жутковато и совершенно неприлично.

Оперативники остановились: они сталкивались раньше с этими животными, но никогда не видели их в таком количестве. И качестве.

– А вот и камень преткновения. Хотя, скорее уж шар. Что вы знаете об алкионах? – спросил Санников.

Первопроходцы переглянулись, и Берц еле заметно хмыкнул. Али встрепенулся, переглянулся с ним и сделал вид, что жутко озабочен состоянием познаний стажера.

– Алкионы – отряд радиальных полужесткокрылых, подотряд клопообразные, семейство факультативные хищные клопообразные, вид – алкион непарнокрылый, в семействе зафиксирован пока один вид, подвидов также не наблюдалось, – послушно отчеканил Дженк, перехватив выжидающий и очень выразительный взгляд Али. – Инквиллины для дактилей...

– Инкви... кто? – заинтересовался Вик.

– Ну, это такая разновидность комменсализма, – охотно пояснил стажер.

– Ага, мне сразу все понятно стало! – фыркнул Вик.

– Алкионы живут за счет дактилей, а нередко, если их много, могут хозяев своего жилища и стола и убить. Такое вот невыгодное соседство, не паразиты, но и не симбионты, – улыбнулся Дженк и продолжил: – Что еще... Да, алкионы характеризуются неполным превращением, в стадии яйца находятся в прибрежной водной зоне, в стадии личинки – живут у дактилей в дактилейниках, в брачный период предпочитают массовый вылет для подбора партнера и спаривания, кладку делают около воды...

Дженк продолжал читать справочник ксенозоологов так, будто он был у него перед глазами. Оперативники оценивающе закивали – даже они на таком уровне систематику инсектоидов не учили, особенно незачем было. Так вот почему третий стажер столько в учебке сидел! Хотел знаниями блеснуть. Или по другой причине?

Али с Красным прищурились, испытующе глядя на стажера, а у Санникова загорелись глаза. Детальное описание иномирного хищного клопа, который преспокойно живет за счет местных термитоподобных насекомых, да еще и с идеальным вниманием молодого человека к систематике животного... Ученый был покорен сразу и навсегда.

Лекс хищно вцепился бы в плечо Дженка, если бы мог из своего кольца первопроходцев в соседнее дотянуться, поэтому смог только просящим тоном процитировать, умоляюще глядя на Берца:

– Господин! Отдайте его мне. Зачем вам, в сущности, не до конца обученный стажер...

Берц гулко расхохотался в шлем.

– Лекс, ну не стоит сравнивать перспективного молодого человека с «Особой краковской»! Отдам, отдам. Доучу только до конца и отдам. Если стажер не против.

Дженк, который изначально от Санникова пришел в неизбывный восторг, памятуя то, как его учитель приводил этого небольшого росточка сверхреактивного человека ему в пример, только кивнул, не в силах произнести ни слова.

– Договорились, – отсмеявшись, постановил Берц.

– Руки вам целовать, больше ничего не остается, – довел Лекс шутку до конца и посерьезнел: – К делу. Массовый вылет алкионов меня беспокоит. Представьте себе майских жуков, только с функционалом жука-бомбардира и в пересчете на кремнийорганическую жизнь. У алкионов, конечно, не смесь пероксида водорода и гидрохинона с температурой кипятка, которыми жук-бомбардир выстреливает метра на два с артиллерийской точностью, но тоже ничего хорошего. Пятидесятипроцентный раствор плавиковой кислоты под давлением. Железы в подкрылках, и сейчас, пока они еще не достигли половозрелости, секретиции нет. Видите, у самцов красных пятнышек на надкрыльях не появилось толком? Но счет идет на дни, если не на часы. Как только природа скамандует им размножаться, так самцы примутся соревноваться между собой, стреляя друг в друга струями кислоты.

– Это мы знаем. Так а в чем закавыка? Купол же алкионов не пропустит? Раньше проблемы не возникало, – с подозрением спросил Али.

– Проблема, досточтимый первопроходец, в биоритмах и генетической памяти. Алкионы будут лететь спариваться туда, где спаривались их предки, потом возвращаться туда, где родились – к воде, чтобы отложить там яйца и умереть. Потом вылупятся личинки и поползут к дактилейникам, пока цикл не повторится. Все довольны, все смеются. Это бы не было проблемой, если бы наша колония не разрослась так сильно, что сектора физиков и биологов стали задевать привычную локацию брачных игр инсектоидов, – Санников вздохнул и покаялся: – И, судя по последним пробам и прогнозам моих ксенобиологов, количество яиц в прибрежном озерном иле минимальное, а по снимкам из дактилейников личинок, готовых к превращению, там пруд пруди. А заметили мы это только вчера, почему я к вам сразу и прибежал. То есть будет пик популяционной волны, я бы даже сказал, нас ждет гигантская приливная волна жизни, баллов так на семь-восемь из десяти, если не девятый вал. Как тогда с химерками, помните? – уточнил Лекс и взволнованно добавил: – Купол не потянет такую нагрузку, и эвакуировать колонию тоже уже опасно. Представьте, если мы не успеем, и масса недовольных алкионов расстреляет шаттл? При их размерах звучит смешно, и оно может в атмосфере-то и не опасно, но вдруг обшивку в космосе в тонком месте проест? Как тогда?

«Не играть мне в визгейм три недели подряд!» – услышав о таких перспективах, чуть не зарекся Вик. Для него интерактивная киноигра составляла большую часть досуга, и оттащить его за уши от чужих эмоций и приключений можно было только поманив участием в каком-нибудь конкурсе дизайнерских проектов, экстремальным развлечением или работой. Даром, что экстрима на работе как раз хватало с избытком. Случай с тем, что колонию будут атаковать полчища бешеных озабоченных клопов, поливающих округу и окружающих разъедающей все кислотой, подпал под третью категорию, а потому настолько страшных душевных жертв не требовал, так что Вик вовремя одумался и спросил:

– Что будем делать?

Санников вздохнул.

– Понятия не имею. Но ситуация для колонии опасная, хоть и выглядит трагикомично. И решить вопрос эвакуацией, как в прошлый раз, не получится. Я надеюсь только, что мы сейчас определим границы привычного ареала спаривания алкионов, а там придется совместно думать. Может, временно, на недельку-другую, попросить все сектора съехать с окраин к центру, и уменьшить размер купола?

– Не получится, – авторитетно заявил Вик. – Во-первых, мы еще не знаем масштаб жучьей задницы, во-вторых, куда селить несколько тысяч человек? Но даже если и так, я не уверен, что удастся купол уменьшить без нашего главного халата. Это надо все узлы развертки назад двигать, одновременно их перепрограммировать... Короче, раздвинуть границы проще, чем сжать их назад.

Берц кивнул, не стремясь тратить словарный запас на очевидное, как и великолепная пятерка. Они с оперативником были категорически согласны. Одно дело затмевающие небо стаи иномирной саранчи, тут хочешь не хочешь, а придется съехать на несколько дней. Другое – любовные игры пары тысяч клопов, и неопределенность на непонятное время, то ли неделя, то ли две. Колонисты не идиоты, но слишком уж... Несерьезно. А когда припрет – будет поздно, так что этот аспект людской психологии надо учитывать заранее.

Санников слегка развел руками в ответ – вот видите, не зря я к вам на поклон пришел – и попросил:

– Дайте-ка мне одну зверюшку.

Ви послушно протянула руку к угрожающе гудящему шару, но, неожиданно для всех, он распался на отдельных насекомых, что с раздраженным низким гулом разлетелись в стороны,

рассевшись по крупным соцветиям луговых растений неподалеку друг от друга. Красный без всяких сопротивлений схватил одного из инсектоидов и передал Санникову.

– Интере-е-есно... – протянул ученый. – Милая, соблаговолите...

Пятерки сблизилась, и Ви через строй коллег медленно начала подносить палец к насекомому. Пока ее рука была в метре от усиков, оно не беспокоилось, но стоило оперативнице преодолеть невидимый барьер критического расстояния между ними, дернулось, угрожающе встопорщило надкрылья и попыталось улизнуть.

– Вдвойне интересно! – взбурлил энтузиазмом Лекс. – Милая, а чем вы сегодня с утра занимались?

Красный покраснел до кончиков ушей, Ви – только слегка. Она тронула шлем, затемнила щиток и отключила внутреннюю передачу звука на всех, перейдя на приватный канал с ученым.

– Мыло варила.

– Вы... Что делали? – не поверил Санников.

– Связь переведите на меня, – посоветовала Ви. – То, чем люди иногда с утра занимаются и о чем все так громко думают... Ну, тоже было, но, мне кажется, дело не в человеческих гормонах и феромонах. Я просто иногда для своих сама делаю разную косметику. Мыло, шампуни, гель для душа, скрабы... Подруга вчера прислала с шаттлом сушеный цвет черемухи, а мне не спалось. Чтобы времени не терять, поставила на водяную баню...

– И получили гидролат с черемуховым ароматом, коим ваши руки и пропитались, – послушался и подхватил по выделенной линии Санников. – А чего тут стесняться?

Ви вздохнула. Она для всех, кроме Марта, Чеза и Красного поставила себя на позицию мудрой, умелой и сильной боевой подруги, но пока не стала своим в доску парнем, какой была для них Макс, да и не стремилась к этому, сохраняя короткую, но все же дистанцию. Поэтому смутилась, но оценила действия коллег: оперативники рядом тактично ждали, пока Ви с Санниковым наговорятся по приватному каналу: захочет, значит, расскажет потом, главное, чтобы польза была.

Нехотя Ви призналась:

– Как вам сказать... Я же первопроходец. Боец. Астродесантница. И вдруг мыло, черемуха... Понимаете?

– Вы же все-таки в первую очередь женщина, – с пониманием прокомментировал ученый. – И ничего постыдного в варке мыла я не вижу. Я понял, ваш секрет придержу при себе, милейшее создание, если сами не передумаете.

Ви сняла затемнение и столкнулась со взглядами коллег. Нет, они по-прежнему ничего не говорили, но молчали очень выразительно.

Любопытство, повисшее между ними, можно было черпать половником, откусывать и пережевывать несколько часов: им было невероятно интересно, что такого делала с утра Ви.

Она не выдержала, фыркнула и рассекретила тайну:

– Не надо на меня так смотреть! Отдушку я для мыла делала. Черемуховую.

– А, так вот чем так с утра пахло, – сообразил Красный.

– А ты на щелочи варишь или покупаешь основу? – тут же заинтересовался Вик.

Ви, убедившись, что нежную мужскую психику первопроходцев мылом не испугать, расслабилась, улыбнулась, и разговор, как и работа, потекли своим чередом.

Вечером, отпустив Санникова с образцами к нему в сектор биологов, первопроходцы разошлись по домам и по делам: все равно данные сначала надо было обработать, а потом уже тревогу бить. Не поднимать же панику на пустом месте, пока еще ничего толком не известно.

Но интуитивно оперативники понимали: будь здесь Честер, они бы не ждали никаких результатов, а уже бегали тревожными кабанчиками и делали очередное странное, что потом окажется очевидным, простым и действенным.

Но Чеза не было. Вслух никто этого не произнес, но сумрачная тень беспокойства, и без того висевшая над первопроходцами дамкловым мечом с момента нелепого отстранения Честера, сгустилась и обрела видимые очертания.

Ви и Красный отправились на дежурство. И только они поднялись к себе в офис на третий этаж, завернули к пульту и отпустили заскучавшего Марта и интровертов с суточного бдения над спокойствием колонии, как со стороны научного отдела раздалось громогласное:

– ... А еще у вас неучтенный метакарн в количестве двух флаконов. Вы решили, что в лаборатории широкого профиля допустим бардак с веществами?

– Мы у ксенобиологов взяли взаимозачетом, в обмен на канадский бальзам, для экспериментов. С каких пор фиксаторы в красном списке? – удивлялся в ответ звонкий голосок Гайяны.

Перепалка длилась минут пять и закончилась ее ледяным:

– Я проведу инвентаризацию.

– То-то же, – с удовлетворением сказал незнакомый голос.

Ви выглянула в коридор и столкнулась нос к носу с очень бледной и очень злой Гайяной.

– Это кто там? – шепотом спросила Ви, состроив большие глаза коллеге по Корпусу.

– Ветров Николай Николаевич, профессор, завкафедрой биологии Межпланетарного университета, – отчеканила ученая. – Будет у нас начальником, пока нету Тайвина, и Александр Николаевич занят. Я одного не понимаю – когда Тайвин лежал в больнице, почему никто мне поперек ни слова не сказал?

– Может, не знали? – предположила Ви. – Я обычно трудовой договор и служебные инструкции по диагонали просматриваю, что там может быть интересного. Слушай, а вы в научный часом не возьмете у меня образец гидролата на анализ, тут такое дело...

– Подавайте заявление.

Из-за двери в научный отдел показался Ветров собственной персоной.

Крупный мужчина в костюме-тройке, явно не заводского пошива, с серебристым перстнем на мизинце левой руки и дорожными смарт-часами на правой, показался Ви странным. Спустя секунду она поняла: такое лицо можно увидеть, где угодно – на складе у магазина в толпе грузчиков, в мастерской по починке флаеров, в цехах на заводах, но никак не ожидаешь, что простой нос картошкой, слегка вислые щеки с синими прожилками, небольшие, словно вдавненные в глазницы болотно-карие глаза и приличное брюшко принадлежат профессору биологии. Ви от неожиданности отпрянула на полшага назад и уточнила:

– Какое заявление?

– Какое положено. Что там у вас... Чтобы по нужной форме, с подписью вашего начальника, их начальника, начальника Корпуса...

– Так ведь нету...

– Я понял. Бардак и безответственность тут у всех обычное состояние. Ну-ну, – высокомерно произнес профессор. – Никаких исследований сверх нормы, у научного отдела свой план, у вас свой.

– Но... – растерялась Ви.

– Без «но». Заявление – или ничего.

– Так ведь не только Тайвин в командировке, но и Честер... Ладно, к Аристарху Вениаминовичу схожу, у нас Роман Витальевич подпишет, – с трудом вспомнила имя-отчество Берца Ви. – А в научном, может...

– Нет, – проследив за ее взглядом на Гайяну, отрезал Ветров. – В научном, может, я. А может, и не может. Ждите, сначала я с их графиком детально разберусь, потом посмотрим, может, и найдется место для внеплановых исследований.

– А если колония будет в опасности? – с нарастающей злостью уточнила Ви.

– Когда будет – тогда и приходите. А пока мой рабочий день закончен.

Ветров развернулся и ушел.

– Что б ты по ошибке фенолфталеинчику глотнул! – прошипела Ви вслед удаляющейся в закатную даль спине Ветрова. Спина реагировать не пожелала и скрылась за выходом.

Гайяна выглядела потерянной и расстроеной. Ви взяла ученую за плечо и слегка потрясла.

– Не раскисай! Что-нибудь придумаем. Заявление... Чтоб у него катод с анодом полюсами поменялись! Был бы тут Александр Николаевич, живо бы вынул из него и катод, и анод, залил электролит и провел электролиз, но, боюсь, мы не напыление благородными металлами получим, а очистку сточных вод методом электрофлотации!

– Это в смысле... – заинтересовался Красный, высунув нос из оперативного отдела на шум в коридоре.

– Это в смысле удалить из грязной воды то, что в ней на поверхности плавает и не растворяется! – припечатала Ви и пригорюнилась. – Без штатного гения любая шушера об его отдел ноги гораздо вытереть, слишком больно белый халат глаза режет тем, кого Тайвин и Лекс сюда не звали. Но мы что же, без Честера, разве сами ни на что не годимся? Вот как бы он поступил?

– Взял бы и сделал по-своему, – улыбнулся девушкам оперативник. – Было бы что делать. А есть идея?

– Есть. Кое-что вспомнила. Сейчас, только ролик найду... Смотрите.

Ви затащила Гайяну в отдел, хитро сверкнула зелеными огоньками в глубине взгляда, и развернула перед ней и Красным небольшой голоролик: крупным планом зеркальная гладь озера, тишина, ни ветерка, небо и вода почти поменялись местами, если бы не пчела. На мгновение заслонив всю проекцию, насекомое прожужжало по своим делам немного, затем начало замедляться, метаться в стороны, в конце концов пчела зависла, резко забрала вниз и упала, рассыпав иллюзию отражений кругами по воде от беспорядочного барахтания. Мелькнула серебристая спина какой-то рыбины, всплеск, тишина.

Ви пояснила:

– Пчела упала, потому что у нее произошла пространственная дезориентация, она небо с водой перепутала и не поняла, куда и как лететь. Это мне один летчик рассказывал и показывал, когда объяснял, что это за явление такое. Понимаешь?

– Пока нет, – признался Красный и тяжело оперся двумя руками на стол. – Даже если мы где-то найдем столько зеркал и опустим рой, то что дальше?

Гайяна задумчиво начала прокручивать ролик от начала до конца, а Ви черно-белой рыбкой поднырнула к Красному под руки и, оказавшись нос к носу со своим личным первопроходцем, пояснила:

– Помнишь, что Лекс говорил? Что делают алкионы, когда на землю садятся? Начинают искать брачного партнера, а потом летят к воде отложить яйца и погибнуть. Причем летят они туда, откуда вылупились, ага? Если большую часть роя удастся осадить и отправить прямыми делами продолжения рода заниматься, а потом и вовсе восвояси – купол выдержит нагрузку.

– Допустим, – Красный почесал кончик носа в раздумьях, – но вопрос про зеркала остается в силе.

– Зачем зеркала, если наниты можно перестроить? Просто разместим все локальные капсулы в километре от поселения, растянем так, чтобы были не купола, а над землей зеркальная полоса в пару метров шириной. Главное, чтобы по уязвимым секторам колонии их хватило, и не пришлось основной задействовать. А потом будем их черемуховой отдушкой поливать, чтоб подальше от основного купола держались, – она не удержалась от озорной улыбки и легонько чмокнула Красного в нос.

Тот в долгу не остался, сграбастал Ви, поплотнее к себе прижал и резюмировал:

– То есть воевать с очередной смертельной опасностью для колонистов мы будем зеркальцем и духами.

– Вроде того. Другие варианты есть?

Гайяна хмыкнула и продолжила просмотр ролика: первичный доклад о полевом выходе научный отдел уже получил, и удивляться новостям она не спешила, но идея с осаждением роящихся алкионов ее заинтересовала. Она вклинилась в разговор:

– Учитывая отсутствие начальства – нет, и вряд ли будут. Давай сюда свой гидролат. То, что я делаю во внерабочее время, Ветрова не касается.

Ви вынырнула из объятий своего первопроходца, вручила Гайяне закупоренную бутылочку с гидролатом и в довесок, прихватив с края своего стола – самолично сорванный сегодня на краю купола крупный шипастый цветок неяркого оранжевого цвета на хрупкой полупрозрачной ножке – и улыбнулась.

– Держи, это тебе на анализ, а это просто тебе. Это я так спасибо говорю. Думаешь, получится?

Гайяна задумалась.

– Некоторый шанс есть. Научность и абсурдность предложения вполне в стиле Тайвина с Чезом с поправкой на твое мышление, Ви. Вернутся со стажировки...

Ви перебила ученую:

– Начальники могут и не вернуться. Мы тут подумали, и что-то нам кажется, что командировка эта липовая. Мы думаем, что их похитили. Только научному ничего не говори пока, ладно?

Гайяна от неожиданности прижала к груди цветок, едва не порезавшись о кремнийорганические грани и шипы, сдавленно охнула, минуту думала, переваривая информацию, потом еле слышно сказала:

– Я догадывалась. То есть... А если... И кто... А, ну это очевидно... Поняла. Я молчок. Только бы с ними все было в порядке...

Красный слегка кивнул, принимая решение Ви, и погладил нырнувшую к нему обратно стажерку по щеке тыльной стороной ладони, витая мыслями где-то вдалеке. Оперативница вслед за ним и его рукой, ластясь, тоже склонила голову в жесте согласия – и она за неутомонную парочку очень беспокоилась.

Глава 25. Это все грибы

Пока я судорожно составлял наметки каталога местной фауны, руководствуясь новой точкой отсчета, очкастый колдовал у себя посередь пробирок. Когда оттуда потянулся вкусный и неожиданный запах грибного супа, я не выдержал и подошел к нему.

– Ты супчик грибной варишь, что ли? – спросил я.

– Занимаюсь пробоподготовкой, – коротко ответил Тайвин, предельно сосредоточившись на светящемся окошке сублимационной вакуумной сушилки высокой мощности, где медленно съезживалось темно-коричневое нечто.

– А пахнет...

– Пахнет грибами, потому что это гриб.

– Мухомор? – подколол я ученого.

Штатный гений сердито сверкнул глазами и фыркнул:

– Вряд ли. Сейчас высохнет, возьмем пробу и попробуем что-нибудь простенькое, вроде реактива Марки...

– А что будет?

– Если гриб содержит что-то подобное холину, например, то с щелочью будет запах селедки, а если что-то вроде псилоцибина, то проба станет серо-коричневой, тогда будем добывать экстракт, подтверждать простой цветной реакцией еще раз, и проба с тем же реактивом будет ярко-желтой, и потом можно уже и на ВЭЖХ, – глядя в мои искренние незамутненные знаниями глаза, друг поправил очки и пояснил: – Высокоэффективная жидкостная хроматография. А, плюнь, какая разница, главное – результат. Не буду же я тебя на лаборанта обучать.

– Почему нет, – несколько уязвленно поинтересовался я.

– Потому что к науке, кошкоглазый, надо иметь не просто интерес или склонность, ее надо любить, ей надо восхищаться, и ее превозносить. И постоянно изучать все новое, что может полезть в голову из твоей области знаний и не только. Иначе так и останешься ремесленником с тремя методиками в голове и сотней в методичках. Впрочем, – задумчиво добавил он, – подозреваю, что этот постулат в любой сфере человеческой деятельности будет работать.

Спустя пятнадцать минут мы с одинаковой задумчивостью наблюдали за мутнеющей пробой.

– Интересно, – протянул ученый и выгнал меня заниматься своими делами.

Я пожал плечами и пошел – не висеть же у него над душой. А через час Тайвин с видом Флеминга, уронившего в чашку с колонией патогенных бактерий кусок хлеба с плесенью, постучал в дверь, вызывая охрану.

– Я ни за что не поверю, что один работаю над местной биохимией, – заявил охранникам мой очкастый друг и протянул пробирку. – Отнесите в здешнюю лабораторию, и пусть сделают спектральный анализ, желательнее на резонансном рамановском спектрометре.

С раздражением вздохнув, Тайвин вложил в руку охранника образец практически насильно.

– Рамановский спектрометр. Физик такой в начале двадцатого века жил, Раман. Ну, Раман, спектрометр, запомнил? Иди, – ученый отвернулся от двери, та шаркнула, закрываясь, а гений злобно процедил сквозь зубы: – Клинические имбецилы.

– Тай, простой человек не обязан знать такие научные тонкости, – заметил я.

– Да чтоб их... Пес драл! – не постеснялся в выражениях ученый. – Как же мне не хватает моих гамадрилов и лаборатории. У меня все всегда на местах, и аппаратура, и реактивы, и специалисты, а если что надо – всегда через Лекса достать можно...

– Это ты про Санникова? – прищурился я.

– Да. Но ты учти, он только друзьям себя позволяет так называть, – построжел Тайвин.
– Мне разрешил, – гордо заявил я. – Аккурат после беготни с саранчой.

Мой очкастый друг скупно улыбнулся, и мы снова занялись работой, пока спустя еще пару часов к нам не ворвался самолично Алан с автоинъектором наперевес.

– Вы должны были сообщить мне лично! – немного повысил против обычного голос человек-невозмутимость. Мне стало невероятно интересно, и я оторвался от просмотра записей.

– А с какого когнитивного диссонанса мне бежать напрямую именно к вам и непременно лично, и размахивать положительной цветной пробой с реактивом Марки? – с едкой злостью поинтересовался Тайвин.

– Я просил сообщать обо всех неожиданных находках, тем более не вполне привычного характера! – еще больше разозлился Алан.

– А вам никто не говорил про стандартную процедуру испытаний в рамках надлежущей доклинической лабораторной практики? Я еще не особенно понимаю, что это за вещество, а вы уже хотите...

– Результата, – прервал Тайвина апостолец.

Я почувствовал вдруг, что мое душевное состояние необратимо меняется – границы восприятия резко раздвинулись, вобрав в себя и мои смятенные движения души, и странным образом осязаемые эмоциональные колебания схлестнувшихся оппонентов. Только если с кошкой Мирой это чувство контакта было мимолетным, почти невесомым, с чужим невидимкой управлял процессом точно не я, то здесь меня придавило не моими чувствами по моей инициативе, вынудив замолчать и впитывать то, что словами я описать был почти не в силах.

Алан возвышался над гением как скала над морем, давил авторитетом и недовольством, которые я почти физически ощущал. Тайвин смотрел на него снизу вверх с не менее несгибаемым выражением на лице. С его стороны я чувствовал тяжелую и твердую решимость найденный природный наркотик не испытывать и не отдавать ни при каких обстоятельствах.

– Ладно. Будь по-вашему. Мне нужны мыши или крысы, – заявил очкастый мой товарищ. – Лабораторные, в количестве штук пятнадцати.

– Могу выделить двоих подопытных. – Алан пока держался, но я видел нарастающую бурю, непонятным пока мне самому способом. Что-то внутри человека-скалы клубилось, скручивалось жгутами, формировалось в плотное ядро. Только я это не видел глазами и не представлял – ощущал всей кожей.

– Я не экспериментирую на людях. И когда я говорю «мыши» или «крысы», я имею в виду мышей или крыс. Знаете, зверушки такие. С хвостами. – Тайвин, в свою очередь, образно воспринимался мной все прозрачнее и тверже, как если можно было бы прочувствовать динамику процесса образования природного алмаза.

Я вдруг понял, что и до первого визита на Седьмой, и до Миры, и до столкновения с другим сознанием, и вообще вплоть до текущего момента включительно всю свою жизнь пользовался чем-то... Похожим, что ли. Непонятным, неосязаемым, необъяснимым, но нужным хлеще воздуха. Интересно, вот если я способен на уровне остальных органов чувств и наравне с ними получать информацию об эмоциональном фоне человека, может, я могу на него и влиять?

Я попробовал этим неуловимым, но явственно мной ощущаемым, вектор внимания Алана перенаправить на себя. И чуть не подпрыгнул, когда в следующее мгновение свой темный нечитаемый взгляд тот обратил именно ко мне. И сказал, смотря на меня, а обращаясь к Тайвину:

– Значит, от моих кандидатур вы отказываетесь. В таком случае будет совсем просто.

Похолодев внутренне, я понял: очкастый доигрался. И точно, внутри Алана словно взорвалось маленькое черное солнце. Он выхватил оружие и уткнул дуло игломета прямо мне в лоб:

– Вот ваша крыса. Выбирайте правильно, уважаемый. Либо она приносит пользу науке, либо я, так и быть, проведу дератизацию.

Я скопил глаза на Тайвина и почти услышал, как зазвенела, осыпаясь безвредными осколками, его решимость. За меня он боялся больше, чем за человечество перед лицом нового наркотика с неизвестным действием. Но сделать выбор между перспективой убить меня иглой в лоб или психоактивным веществом неизвестного спектра действия не мог.

– Я жду, – поторопил Алан и протянул гению автоинъектор. Все естество нашего врага заполняла обжигающая бешеная злость, искушала нажать на спусковой крючок, давила, требовала, и я понимал, что выбора у меня нет, как нет его и у Тайвина.

– Чтобы вас мотивировать, введем обратный отсчет. Крысы уходят с корабля через десять, девять...

Я молчал в тряпочку, Алан считал, а до моего идейного друга никак не могло дойти, что шутки кончились – он переводил взгляд с Алана на меня, пытаюсь найти запасной вариант, и не находил его. На тройке Тайвин не выдержал и сдался.

– Я не отвечаю за последствия. Надеюсь, вы отдаете себе отчет в том, что наркотик может вызвать мгновенное привыкание. Или убить. И совершенно точно, если не убьет, повлияет на поведение.

Алан, не опуская игломет, кивнул сопровождающим – те встали по бокам и сзади от меня, подняв оружие. Я чувствовал себя максимально неуютно под четырьмя дулами, но, как ни странно, совершенно не боялся – я не чувствовал в охране желания или стремления убивать. Скорее, это была очередная скучная работа – а такие «деловые» взаимоотношения между убийцами и потенциальной жертвой казались мне более выигрышными.

– Будет дергаться – стреляйте.

– На поражение? – уточнил охранник позади меня.

– На какое поражение, дебилы? У вас парализант в сердечнике! По ногам. Пристрелите – будете отвечать перед Советом синдикатов лично.

Я ощутил дуновение страха. Похоже, Совет синдикатов – это серьезная угроза. Алан точным движением защелкнул свой игломет в кобуру – так, понятно, у него боевые, будем знать на всякий случай. Хотя я изначально идиот – стал бы он мне иглами с парализантом прямо в черепушку целиться, они кость не пробивают.

Ко мне подошел Тайвин с автоинъектором в руках и внимательно посмотрел в глаза. В его взгляде, позе и мимике я прочитал зверскую смесь страха, сожаления, извинения и, конечно, толику научного любопытства – изменить свою природу ученый не был способен. Я решил, что капля уверенности ему точно не повредит, и спросил:

– Знаешь, чего я теперь боюсь?

– Чего?

– Что со мной перестанет что-либо приключаться. Коли уже, – я ободряюще ему улыбнулся и подмигнул. – Посмотрим, что за демона ты спрятал у себя в пробирке.

Сделав укол, Тайвин отступил на пару шагов. Ему было несколько дурно от коктейля из чувств и адреналина, и хотелось присесть, но бросить друга он не мог. Чез застыл столбом, кошачьи зрачки сначала вытянулись в линию, почти исчезнув, затем через пару минут начали расширяться, быстро заняв собой почти всю радужку.

Смена миоза на мидриаз ученого не порадовала – внутри оперативника творилась химическая буря, и как проявится психоэмоциональный эффект, как наркотик повлияет на поведение и личность, предсказать гений не мог, что его невероятно злило.

Внезапно Честер рвано огляделся, фиксируя каждого присутствующего в комнате, и Тайвин с неприятным чувством холодка под ложечкой понял, что вменяемое сознание первопро-

ходца покинуло напрочь. Перед ними была биологическая сторона человека с выключенной социальной: умное, сильное и опасное животное, натасканное реагировать на любые внешние раздражители. А вот как проявится его выучка в совокупности с инстинктами предстояло выяснить только опытным путем.

Оперативник присел и занырнул за спину охраннику, стоявшему позади него – в того сразу полетели иглы с парализантом, и он мягко обмяк. Честер не медлил – успел скользнуть за спину второму и нажать большими пальцами под основание черепа, вырубив и его.

Хорошо изученным движением Чез выхватил игломет у падающего на пол оппонента и выстрелил в третьего охранника, успев раньше. Обнюхал предмет с любопытством, зачем-то лизнул и, услышав тихий щелчок кобуры – отмерший Алан выхватил свой игломет, заряженный боевыми – бросил оружие и перекатился за один из столов, спрятавшись за его задней стенкой.

Все это заняло буквально доли секунды, и ошарашенный Тайвин, глядя, как Алан направляет ствол в сторону сомнительного укрытия Честера, только и нашел в себе, обмирая от собственной смелости, силы чтобы шагнуть вперед, загородив озверевшего друга собой.

– Не стреляйте! – Тайвин очень надеялся, что достаточно убедителен. – Он сейчас не в себе, вы же видите.

– Он опасен. Но вы правы, – Алан задвинул игломет обратно и наклонился за другим. Убивать первопроходца в его планы не входило.

В это же мгновение Честер вспрыгнул на стол, повалив и разбив все, что на нем находилось, и бросился на апостольца. Алан замешкался – и это стало ошибкой. Завязалась потасовка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.